

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

Смоленская Зинаида Александровна

**Вводные и вставные конструкции
в рассказе Вл. Маканина «Кавказский пленный»
и их соответствия в переводах на английский язык**

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Вяткина С. В.
Рецензент:
к.ф.н., доц. Мальцев И. В.

Санкт-Петербург

2017

СОДЕРЖАНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена описанию вводных (далее ВвК) и вставных (далее ВК) конструкций как средств организации субъектной перспективы текста в рассказе Вл. Маканина «Кавказский пленный» и их соответствий в переводах на английский язык.

Рассмотрение структурно-семантических свойств ВвК и ВК в рамках собственно синтаксических теорий восходит к трудам В. В. Виноградова¹, А. М. Пешковского² и получило дальнейшее развитие в работах А. Вежбицкой, Г. Н. Акимовой, С. В. Вяткиной, С. Г. Ильенко, Е. В. Падучевой, А. Ф. Прияткиной, И. П. Распопова, В. А. Шаймиева, Т. В. Шмелевой³ и др.; на материале английского языка — в работах О. В. Александровой (О. В. Долговой), Н. А. Кобриной, Е. Н. Козыревой, Е. А. Феновой⁴ и др.

Следует отметить, что в отличие от литературоведческих исследований творчества Вл. Маканина (М. А. Вершинина, В. Б. Волкова, В. В. Иванцов,

¹ Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 53-87.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001. С. 409-411.

³ Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990; Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 402-421; Вяткина С. В. Становление и развитие вставных конструкций в русском литературном языке XVII-XX веков. Автореф. дис. ... к. филол. н. Л., 1987; Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис русского языка. СПб., 2009; Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996; Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990; Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984; Шаймиев В. А. Вставные конструкции в аспекте их текстового изучения. Автореф. дис. ... к. филол. н. Л., 1982; Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.

⁴ Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса на материале английского языка. М., 1984; Кобрина Н. А., Малаховский Л. В. Английская пунктуация. М., 1961; Козырева Е. Н. Когнитивные функции парентезы как отражение творческой индивидуальности писателя. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 2003; Фенова Е. А. Соотношение синтаксической просодии парентетических внесений и предидирующей паузы: (На материале английского языка). Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1984.

О. А. Колмакова, Т. Н. Маркова, А. Станкевича, Е. А. Степанова ⁵⁾ в языковом аспекте произведения Вл. Маканина изучены в недостаточной степени⁶. До сих пор ни в отечественном, ни в англоязычном переводоведении не поднималась проблема компаративного лингвистического анализа произведений Вл. Маканина и их английских переводов.

Актуальность данного исследования определяется его связью с антропоцентрическим принципом современного языкознания, ориентированным на исследование языка, «зависящего от человека»⁷, в частности, с проблемой реализации повествующего субъекта в тексте. Сопоставительный анализ использования вводных и вставных конструкций в тексте оригинала и его переводов на другой язык позволяет выявить потенциал рассматриваемых конструкций, их значимость для характеристики замысла автора. Актуальность темы также видится в том, что она лежит на стыке традиционного (семантико-синтаксического) направления и двух активно разрабатываемых современных направлений: коммуникативного и переводоведческого.

Цель исследования — дать сопоставительный анализ ВвК и ВК, используемых как средство субъективации в художественном тексте и его переводах.

Задачи:

- 1) выявить ВвК и ВК в тексте оригинала и их соответствия в

⁵ Вершинина М. А. Автор и герой в прозе В. С. Маканина 1990-2000-х годов. Автореф. дис. ... к. филол. н. Волгоград, 2011; Волкова В. Б. Концептосфера современной военной прозы. Автореф. дис. ... д. филол. н. Екб. 2014; Иванцов В. В. Пространственно-временная организация художественного мира В. С. Маканина. СПб, 2007; Колмакова О. А. Поэтика русской постмодернистской прозы рубежа XX-XXI вв.: типы пространства и времени в воплощении кризисного сознания. Дис. ... д. филол. н. Улан-Удэ, 2015; Кравченкова Е. А. Художественный мир В. С. Маканина: концепции и интерпретации. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 2006; Маркова Т. Н. Русская проза рубежа XX-XXI веков: трансформации форм и конструкций (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). Челябинск, 2012; Станкевич А. Двойничество в романах В. Маканина последнего десятилетия. *Res Humanitariae*, vol. XIV, Klaipėda. С. 116-126; Степанова Е. А. Кавказская фабула в русской литературе XIX-XX веков. Автореф. дис. ... к. филол. н. Уфа, 2004; Чурляева Т. Н. Проблема абсурда в прозе В. Маканина 1980-х начала 1990-х гг. Автореф. дис. ... к. филол. н. Новосибирск, 2001.

⁶ Иванова А. В. Субъективация повествования: на материале прозы Владимира Маканина. Автореф. дис. ... к. филол. н. Чита, 2008; Шевцова О. Н. Стилистические функции знаков препинания: на материале прозы В. Маканина. Автореф. дис. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 1998.

⁷ Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 91.

- переводных текстах;
- 2) описать позиции ВвК и ВК в структуре оригинального текста;
 - 3) описать ВвК как элементы субъектной организации художественного текста;
 - 4) описать ВК как элементы субъектной организации художественного текста;
 - 5) установить структурные, семантические и стилистические соответствия и несоответствия перевода (эквивалентность и адекватность перевода).

Своеобразие прозы Вл. Маканина и, в частности, рассказе «Кавказский пленный» проявляется в многочисленных ВвК и ВК, что предопределяет рассмотрение ВвК и ВК в рассказе «Кавказский пленный» сквозь призму категорий смысловой адекватности и языковой эквивалентности перевода.

В качестве гипотезы данного исследования выдвигается предположение о том, что формирующаяся на базе ВвК и ВК субъектная перспектива текста подвергается сужению при переводе на английский язык.

Объектом исследования является синтаксис современного художественного произведения и его трансформации в двух вариантах перевода.

Предметом исследования являются структурно-семантические, функциональные особенности ВвК и ВК и их переводческие соответствия.

В работе используются следующие **методы** исследования материала: метод сплошной выборки языкового материала, описательный метод с применением приемов сопоставления, обобщения и классификации анализируемого материала (синтаксический и контекстуальный анализ).

Источником материала исследования являются рассказ Вл. Маканина «Кавказский пленный»⁸ и его переводы на английский язык Байрона Линдси⁹

⁸ Маканин В. Кавказский пленный [Электронный ресурс] // Новый мир. 1995. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/4/makanin-pr.html (дата обращения: 11.05.2017).

⁹ Makanin, Vladimir. The Prisoner From The Caucasus. Tr. Byron Lindsey. [Электронный ресурс]. URL: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/makanin/kav.html (дата обращения: 28.03.2016).

(далее — П1) и Гитты Хаммарберг¹⁰ (далее — П2). Выбор материала обусловлен высокой плотностью употребления ВвК и ВК в тексте оригинала, которая в совокупности составляет 5,6 единиц на страницу текста: 1,3 ВвК и 4,3 ВК. Методом сплошной выборки в трех текстах выявлено **120 ВвК** и **391 ВК**, выделенных скобками и двойным тире: в оригинале рассказа — 41 ВвК и 132 ВК, в П1 — 38 ВвК и 132 ВК, в П2 — 41 ВвК и 127 ВК.

В качестве справочной литературы для семантизации лексических единиц, уточнения стилистических помет используются академические грамматики¹¹ и словари русского языка¹²; двуязычные¹³, толковые словари английского языка¹⁴, а также переводоведческий словарь Л. Л. Нелюбина¹⁵, культурологический словарь В. В. Кабакчи¹⁶.

¹⁰ Makanin, Vladimir. The Captive (literally: Captured) of the Caucasus. Tr. Gitta Hammarberg. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macalester.edu/~hammarberg/russ363/makani.html> (дата обращения: 01.02.2016).

¹¹ Грамматика русского языка. В 2-х т. Т. 2. Ч. 2. М., 1960; Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.

¹² Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингв. исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999; Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. М., 1950-1965.

¹³ Большой англо-русский словарь: в 2 т. Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1987; Русско-английский словарь. Под ред. О. С. Ахмановой. М., 1947; Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 11.05.2017).

¹⁴ Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 11.05.2017); The Official Collins Cobuld Advanced Learner's Dictionary of British English : электрон. опт. диск (CD-ROM).

¹⁵ Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.

¹⁶ Кабакчи В. В. The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб, 2002.

ГЛАВА 1. ВВОДНЫЕ И ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. История и аспекты изучения вводных и вставных конструкций

Синтаксическое явление парентезы («внесение, вставка каких-либо элементов, соотносимых с содержанием основного высказывания <...>, но выходящих на границы обычных синтаксических связей»¹⁷⁾ находится в центре пристального внимания лингвистов со второй половины XX века, но вопрос о синтаксическом статусе ВвК и ВК в русском языке по настоящее время остается дискуссионным.

Принятый в западной лингвистике термин «парентеза» в русистике употребляется неоднозначно и используется для обозначения как ВвК и ВК, так и ряда других явлений — от пауз до развернутых, «нарушающих плавное течение речи»¹⁸ фрагментов текста, которые носят «добавочный, поясняющий, уточняющий характер по отношению к основному высказыванию»¹⁹. Несмотря на то, что уже в «Грамматике русского языка» 1954 г. ВвК и ВК осмыслены как явления разного порядка, в некоторых исследованиях 70-80 гг. данные парентетические построения объединялись в рамках категории вводности²⁰. В качестве аргументов исследователи указывали на наличие у ВвК и ВК следующих общих свойств: сопутствующей семантики по отношению к семантике включающего предложения; способности разрывать синтагматическую структуру включающего предложения; относительной изолированности и особого интонирования; схожего пунктуационного оформления выделительными знаками препинания в письменном тексте.

¹⁷ Распопов И. П., Ломов А. М. Указ. раб. С. 265.

¹⁸ Долгова О. В. Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980. С. 9.

¹⁹ Алагова Т. С. Диалектическое единство плавной и прерывистой речи. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1989.

²⁰ См.: Биренбаум Я. Г. Пространство вводности // Актуальные вопросы семантики и синтаксиса: Сб. научн. трудов. Л., 1977. С. 45-52; Дмитриева Л. К. Осложняющие категории и осложнение предложения в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... д. филол. н. Л., 1981; Сердюкова Л. И. Вводная предикативная конструкция как компонент объемного предложения в прозе У. Фолкнера // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза. М., 1974. Вып. 77. С. 142-148.

Парентетические блоки осуществляют разнообразные функции (внесение информации дополнительного или поясняющего характера, участие в пространственно-временной и субъектной организации текста, оформление внутритекстовых связей, интертекстуальная функция). В тексте художественного произведения ВвК и ВК приобретают особую значимость в связи со способностью формировать многоуровневое художественное пространство.

Дальнейшее изучение парентезы шло по пути обнаружения более объективного признака для разграничения ВвК и ВК, ввиду недостаточности структурного и семантического критерия. Так, исследователями было замечено, что ВвК и ВК вносят в структуру включающего предложения различную модальную окраску: вводные компоненты служат для «внесения в основную смысловую структуру субъективно-модального содержания», тогда как смысловая структура вставного элемента «содержит в себе объективную модальность»²¹. Многообразные ВвК и ВК, связанные с модальной организацией высказывания, образуют так называемую «ось парентетичности»²², полюсами которой являются модус (ВвК) и диктум (ВК).

1.1. История и аспекты изучения вводных конструкций

ВвК (слова, словосочетания, предложения) — особая коммуникативно-синтаксическая единица модальной сферы языка, обозначающая отношение говорящего к высказыванию. «Слово (или группа слов), выражающее рассудочное и/или эмоциональное отношение говорящего к различным аспектам собственного высказывания: его достоверности, композиционно-логической организации, содержанию»²³.

²¹ Студнева А. И. Вводные предложения в современной русской речи. Автореферат дис. ... к. филол. н. М., 1968. С. 21.

²² Байчорова М. Ш., Витковская Л. В. Вводные и вставные конструкции как факт парентезиса (этнолингвокогнитивное измерение) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2009. № 3. С. 62.

²³ Ильенко С. Г. Указ. раб. С. 220.

Традиционно ВвК описываются наряду с элементами, осложняющими структуру предложения²⁴, хотя вопрос о причастности вводных слов, словосочетаний и вставных предложений к осложнению простого предложения решается неоднозначно. Так, А. Ф. Прияткина полагает, что нет достаточных оснований считать ВвК одним из видов осложнения. «Вводно-модальные слова вносят в предложение дополнительные смыслы, но они иного порядка, чем те значения, которые создаются осложняющими членами предложения»²⁵.

Своеобразие синтаксического положения ВвК обычно объясняется тем, что они представляют собой редуцированные по структуре, а иногда и по смыслу, собственно предложения.

Представляется не лишним обратиться к исследованиям лингвистов, стоявших у истоков синтаксической теории. Лингвисты XIX в.: А. Х. Востоков, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. А. Потебня — рассматривали вводные компоненты как часть незаконченного предложения в составе сложного²⁶, «как результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу»²⁷. Данной точки зрения придерживался и академик А. А. Шахматов, подчеркивающий грамматическую изолированность ВвК: вводные слова «стоят вне предложения, но вставлены в него»²⁸.

В рамках формально-грамматической структуры предложения ВвК, не имеют синтаксических связей с членами предложения и расположены «как

²⁴ Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959; Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 3. М., 1987; Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991; Синтаксис современного русского языка. Под ред. С. В. Вяткиной. СПб. - М., 2009.

²⁵ Прияткина А. Ф. Указ. раб. С. 8.

²⁶ Востоков А. Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831; Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912; Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М. - Л., 1941.

²⁷ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Указ. раб. С. 297.

²⁸ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. С. 265

бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания»²⁹. А. Г. Руднев усматривал между ВвК и остальной частью предложения специфический характер связи («соотношение»), которой «грамматически выражается фактом включения в состав предложения и соседством определяющих слов с определяемым членом предложения»³⁰. По мнению исследователя, предложение с осложняющими, в частности, вводными элементами представляет собой единство, каждый компонент которого выполняет свою семантико-синтаксическую функцию. Однако ВвК, не имея синтаксических связей с членами предложения, связаны с актуальным членением и подчинены рематическому компоненту, но частью ремы не являются, а представляют собой «самостоятельный элемент актуальной структуры — субъективно-модальный квалификатор»³¹.

Одна из первых попыток объединить вводные компоненты в семантические группы была предпринята А. М. Пешковским, разделившим все вводные слова и словосочетания на три разряда:

1) слова и сочетания, показывающие, как говорящий относится к той или иной мысли: верит он в нее или нет, доволен он ей или нет, хочет он осуществления ее или нет и т. д.;

2) слова и сочетания, показывающие, что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой;

3) слова и сочетания, выражающие отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи и стоящие на рубеже между вводными словами и союзами³².

Очевидно, что данная классификация нуждалась в более детальной

²⁹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. С. 568.

³⁰ Руднев А. Г. Указ. раб. С. 178.

³¹ Топтыгина Е. Н. Об отношении вводных слов к составу высказывания // Вестник МГОУ. Серия 'Русская филология' №4, 2010. С 55.

³² Пешковский А. М. Указ. раб. С. 409.

разработке. В. В. Виноградов отмечал, что в исследовании А. М. Пешковского «вопрос о генезисе вводных слов и словосочетаний механически смешивается с вопросом о их функциях в современном русском языке»³³, в результате чего анализ употребления вводных слов является «поверхностным и односторонним»³⁴.

Связь ВвК с модальными словами впервые была замечена И. И. Мещаниновым³⁵, который указал на то, что синтаксическая позиция ВвК в предложении способствовала возникновению особого морфологического класса, отличного от других частей речи благодаря своим схожим семантико-грамматическим показателям. При этом исследователь обращал внимание на то, что к вопросу отнесения всех вводных слов к модальным только на основании синтаксической функции необходимо подходить с осторожностью, поскольку в роли вводных могут выступать слова разных частей речи³⁶.

Развивая проблемы, связанные с категорией модальности, В. В. Виноградов отмечал, что «в русском языке для выражения категории синтаксической модальности существует и отдельный лексико-семантический разряд слов»³⁷.

Говоря об учении В. В. Виноградова, необходимо отметить, что описание вводных слов и словосочетаний дается им в рамках исследования категории модальности, поэтому в его работах можно наблюдать объединение класса вводных структур с классом модальных слов и словосочетаний, равноправно выступающих в качестве средств выражения модальных значений³⁸. Не все исследователи, однако, приняли такое широкое

³³ Виноградов В. В. Русский язык. С. 572.

³⁴ Там же.

³⁵ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1945. С. 286

³⁶ Там же. С. 289.

³⁷ Виноградов В. В. Русский язык. С. 568.

³⁸ Там же. С. 578.

понимание модальности и ограничивали разряд модальных слов только словами, характеризующими высказывание с точки зрения его достоверности³⁹.

Разработанная В. В. Виноградовым классификация вводных («модальных») слов и словосочетаний послужила фундаментом для последующего развития данного вопроса, поскольку сам В. В. Виноградов подчеркивал коммуникативную значимость категории вводности, отмечая общую для ВвК установку воздействия на адресата⁴⁰.

Любопытной оказывается типология С. Г. Ильенко, которая рассматривает вводные слова, словосочетания и предложения в аспекте коммуникативного синтаксиса. При составлении функциональных разрядов ВвК исследователь опирается на общее значение этих единиц — передаче «рассудочного или эмоционального отношения говорящего к различным аспектом собственно высказывания»⁴¹, т.е. передаче субъективно-модальных значений.

Таким образом, С. Г. Ильенко выделяет следующие функции вводных компонентов⁴²:

- 1) выражение модальных значений достоверности/недостоверности (*конечно, действительно, кажется* и др.).
- 2) выражение оценки (*к счастью, к стыду нашему* и др.).
- 3) установление контакта (*вообразите, видите ли*, и др.).
- 4) комментарий к способу высказывания (*скромно говоря, можно сказать* и др.).

Такие частные значения ВвК, как, например, установка в высказывании смысловой иерархии, признаны осложняющими основное назначение ВВОДНЫХ КОМПОНЕНТОВ.

³⁹ Современный русский язык. Синтаксис. Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1957. С. 10.

⁴⁰ Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. С. 71.

⁴¹ Ильенко С. Г. Указ. раб. С. 220.

⁴² Там же. С. 221-222.

Итак, классификации ВвК строятся на основании выраженных ими субъективно-модальных значений, в первую очередь, оценки сообщаемого относительно достоверности/недостоверности. Значения групп, выражающих логические отношения в высказывании, указывающих на источник информации, характеризуются как факультативные.

1.2. История и аспекты изучения вставных конструкций

Долгое время ВК рассматривались в составе вводных, т.е. таких единиц, основным признаком которых являлось отсутствие в них синтаксических связей с предложением, в которое они включены, а также особая интонация включения.

На разных этапах развития отечественной лингвистики взгляды исследователей оказывались сконцентрированы на трех подходах к изучению языковых явлений: формальном, семантическом и коммуникативном. Первоначально ВК подверглись анализу с точки зрения формальных особенностей. Исследования, проведенные на материале русского и европейских языков, позволили сделать выводы о структуре ВК, позиционном характере, средствах и особенности связи вставки с предложением, просодических особенностях ВК⁴³.

Особое внимание исследователи уделяли установлению характера той синтаксической связи, которая существует между вставкой и включающим контекстом и которая характеризовалась как отличная и от сочинения, и от подчинения⁴⁴, хотя в некоторых работах говорится о том, что включение вставного компонента в предложение происходит «без какой-либо

⁴³ См.: Артеменко Е. П., Гостеева С. А. Вставные конструкции в структурном и коммуникативном аспектах // Синтаксис русского предложения. Воронеж, 1985. С. 38-48; Златопольский Ю. М. Интонационная специфика вставных конструкций (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков). Автореф. дис. ... к. филол. н. Киев, 1981; Пастухова Л. С. Интерпозиция как один из вариантов размещения вставных единиц // Исследования по семантике. Симферополь, 1987. С. 75-80; Черемисина М. И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987; Шаймиев В. А. Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста // Функционирование синтаксических категорий в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. Л., 1981. С. 81-88.

⁴⁴ Прияткина А. Ф. Указ. раб. С. 156-163.

синтаксической связи»⁴⁵. По мнению А. Ф. Прияткиной, специфичность такого типа связи заключается в «свободе включения» вставки в структуру включающего высказывания. Вклиниваясь в предложение, ВК не влияет на связи между его членами и не нарушает его интонационной целостности⁴⁶. Поскольку вставка «не заложена во внутренней программе высказывания»⁴⁷, а появляется как результат ассоциативного процесса, все внутренние связи и отношения в структуре предложения остаются независимыми от наличия или отсутствия вставного компонента.

Однако по степени свободы, самостоятельности ВК разграничиваются на два типа — формально связанные с контекстом и независимые, изолированные от него⁴⁸. В первом случае, при устранении скобок вставка естественным образом входит в предложения, не изменяя ни своей, ни его структуры, и принимает вид какого-либо члена предложения. ВК второго типа характеризуются отсутствием формальных показателей синтаксической связи с включающим контекстом, поэтому попытка их «бесскобочного» введения требует определенных преобразований в строении вставки или включающего предложения.

ВК неотделимы от понятия «скобочное построение». Круглые скобки были известны еще в начале XVII века М. Смотрицкому⁴⁹. М. Смотрицкий в достаточной степени не определил функциональный диапазон ВК, однако, по мнению С. В. Вяткиной, ему удалось уловить «две возможные стратегии, которые можно было реализовать во вставной конструкции: 1) пояснение, толкование элементов текста для адекватного его понимания (редакторская

⁴⁵ Биренбаум Я. Г. Указ. раб. С. 45.

⁴⁶ Прияткина А. Ф. Указ. раб. С. 160.

⁴⁷ Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994. С. 190.

⁴⁸ В научной литературе встречаются другие названия данных типов: собственно-вставные конструкции и сепаратизованные элементы предложения (Пастухова Л. С. Указ. раб.); вставки конструктивного и неконструктивного типа (Прияткина А. Ф. Указ. раб.); безальтернативные и альтернативные вставки (Старовойтова И. А. Вставные конструкции как явление коммуникативного синтаксиса. Автореф. дис. ... к. филол. н. СПб., 2000).

⁴⁹ Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. С. 58.

или авторская работа) и 2) помещение во вставку информации, контрастирующей по содержанию с основным предложением»⁵⁰.

Скобки, по мнению Г. Н. Акимовой, в русском языке всегда служили только для оформления «вставных конструкций в самом широком их понимании»⁵¹. Известно также, что вставная единица может выделяться двойными тире, запятыми, иногда многоточиями. Однако данные знаки препинания различаются силой выделения, которая возрастает от запятых к скобкам⁵². Кроме того, преимущество употребления скобок для оформления ВК заключается в «многозначности и «перегруженности» запятой и тире, скобки же более однозначны в функциональном плане»⁵³. Как отмечает О. В. Жучкова, использование скобок облегчает как прочтение, так и осмысление текста⁵⁴.

С точки зрения семантики ВК изучены в меньшей степени. Вставка, как разновидность парентезы, традиционно рассматривается в сопоставлении с вводными элементами. Данный подход применяется и для определения семантики вставного компонента. При разграничении ВвК и ВК принято опираться на модальные оттенки, вносимые ими в содержание основного высказывания. Вводный компонент в соотношении с основным предложением выражает отношение субъекта речи к сообщаемой информации — субъективную модальность (оценочность) или модус. ВК, содержащие добавочные сведения, попутные замечания, поправки, уточнения к содержанию включающего предложения (к отдельному слову или предложению в целом), являются средством выражения объективной

⁵⁰ Вяткина С. В. Скобки в русских текстах начала XVIII века // Русский язык конца XVII-начала XIX века (Вопросы изучения и описания). Сборник 2. СПб., 2001. С. 135.

⁵¹ Акимова Г. Н. Современное употребление скобок (в связи с новыми синтаксическими явлениями) // Русский язык в школе. 1980. №. 3. С. 99.

⁵² Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988. С. 42-50.

⁵³ Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. С. 58.

⁵⁴ Жучкова О. В. К вопросу о пунктуационном выделении вставных конструкций // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981. С. 132.

модальности. Иными словами, доминирующим значением вставного элемента является расширение основного информативного плана высказывания, т.е. диктума⁵⁵.

Вместе с тем, многие синтаксисты отмечают многообразие и даже «безграничность»⁵⁶ выражаемых ВК значений. В научных трудах не раз было показано, что в содержание включающего предложения вставной компонент может вносить и субъективно-модальные значения (например, оценочные)⁵⁷. Малоизученность модуса вообще и в структуре вставки в частности объясняется, по мнению Т. В. Шмелевой, тремя причинами: склонностью модуса проявляться имплицитно, широким и разнородным кругом языковых средств при эксплицитном выражении и неоднозначностью модусных показателей в разных условиях⁵⁸. Тем не менее исследования показывают, что вставка может включать такую модусную информацию, как авторизация, персуазивность, эмотивность, метакатегории, а также случаи контаминации диктумной и модусной информации в структуре вставки⁵⁹.

В последние десятилетия господствующим оказался коммуникативный подход к изучению языковых явлений, а в центр филологического знания поставлена «проблема эффективности речевого общения»⁶⁰. Предпринимая

⁵⁵ Термины «диктум» и «модус» были предложены Ш. Балли для обозначения двух слагаемых значения предложения — объективного и субъективного. См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 43-48.

⁵⁶ Гавриленко М. А. Изобразительная функция вставных конструкций в современной художественной прозе // Функционирование языка и норма. Горький, 1986. С. 70.

⁵⁷ Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка. Сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. СПб., 2001. С. 46-58; Новоселецкая Э. П. Эволюция функционирования вставных конструкций в английских научных текстах XVIII-XX веков. Пермь, 1993; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Т. 1. Ч. 2. Пермь, 1994. С. 44-81; Столярова И. В. Вставные конструкции как средство выражения субъективной оценки // Проблемы преподавания русского языка и литературы в иностранной аудитории: Материалы докладов и сообщений межвуз. научно-метод. конференции. СПб., 1997. С. 106-107.

⁵⁸ Шмелева Т. В. Указ. раб. С. 25.

⁵⁹ Перфильева Н. П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. Новосибирск, 1994. С. 38-46.

⁶⁰ Болотнова Н. С. Задачи и основные направления коммуникативной стилистики художественного текста // Вестник ТГПУ, 1998. Вып. 6. С. 6.

попытку описать систему форм речевого высказывания, В. Г. Адмони касается вопроса об аспектах речевой коммуникации⁶¹. Исследователь выделяет несколько аспектов, среди которых — аспект психологического становления речевого высказывания, подразумевающий противопоставление высказываний по такому параметру, как спонтанность/подготовленность. По мнению Е. И. Гавриловой, именно эта характеристика способствует определению сущности ВК в коммуникативном аспекте⁶².

Действительно, появление ВК в устной, формирующейся непосредственно в момент говорения речи обусловлено неодноплановостью сознания говорящего⁶³. Потребность во вставке возникает у говорящего в самом процессе построения фразы и является проявлением побочной, ассоциативной речемыслительной деятельности⁶⁴. При этом ВК не только сигнализируют отвлечение от основной мысли, но и служат заполнителями пауз⁶⁵. Иными словами, ВК в неподготовленной речи — явление естественное, закономерное.

ВК в письменной речи, подготовленной и обработанной, интерпретируются как особый способ подачи информации, как специальный прием «композиционно-смыслового осложнения»⁶⁶. В рамках коммуникативного подхода вставные единицы в составе предложения стали

⁶¹ Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994. С. 10-23.

⁶² Гаврилова Е. И. Вставки в текстоцентрическом и антропоцентрическом аспектах. Дис. ... к. филол. н. Новосибирск, 2002. С. 30.

⁶³ Инфантова Г. Г. Вставные конструкции в спонтанной русской разговорной речи // *Ceskoslavenska rusistika*. 1983. № 5. В кн: Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. С. 56.

⁶⁴ Норман Б. Ю. Указ. раб. С. 190.

⁶⁵ Следует отметить, что средствами выражения подобных пауз являются как слова и предложения в традиционном виде, так и десемантизированная лексика, не имеющая собственного значения, а также бессмысленные звуки. См.: Ладыженская Б. Я. Особенности организации устной спонтанной речи. (Вставные элементы в речевом потоке). Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1985.

⁶⁶ Ильенко С. Г. Указ. раб. С. 227.

рассматриваться как средство экспликации авторского присутствия⁶⁷.

ВК, вклиниваясь в предложение, участвуют в расчлененности текста. Способность вставных компонентов нарушать линейное расположение элементов предложения приводит к формированию дуплановости изложения. В таком случае становится некорректным понимание вставки как второстепенного элемента в смысловой структуре высказывания. Включение ВК в предложение обусловлено авторской стратегией, основанной на совмещении в предложении «двух линий, уровней мысли и ее изложения»⁶⁸. Дуплановость повествования делает высказывание многомерным, углубляя его смысловую структуру.

Вместе с тем, ВК являются не только характеристикой субъекта речи, но и одним из средств воздействия на адресата и диалога с ним. Проявлению диалогичности способствует интимизация повествования, включающая адресата в совместное с автором размышление⁶⁹. Данный прием проявляется в непосредственном обращении к читателю, формами глагола (2 л. мн. ч, императив), конструкциями экспрессивного синтаксиса, в стилевой контаминации. Перечисленные лексические, грамматические и стилистические средства «вхождения» адресата в текст могут помещаться в том числе и в структуру ВК.

Достижения синтаксистов, исследующих ВК в структурном, семантическом и коммуникативной аспектах, позволяют сделать некоторые выводы о признаках вставки.

В структурном плане ВК имеют особый характер связи с включающим предложением, которая не похожа ни на сочинение, ни на подчинение и

⁶⁷ См.: Вяткина С. В. Становление и развитие вставных конструкций в русском литературном языке XVIII-XX веков; Меркушева О. В. Вставные конструкции как инструмент реализации субъективно-авторской модели повествования: (На материале прозы А. И. Солженицына). Автореф. дис. ... к. филол. н. Воронеж, 2002; Пospelова Е. Г. Вставная конструкция и вербализованный модус (на материале романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин") // Язык и мы. Мы и язык. М., 2006. С. 304-319; Сагирян И. Г. Функциональные особенности вставок в языке прозы М. А. Булгакова. Автореф. дис. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 1999.

⁶⁸ Черемисина М. И. Указ. раб. С. 93.

⁶⁹ Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 2008. С. 381.

выражается при помощи интонации — на письме пунктуационно (скобки, тире).

С точки зрения семантики, ВК представляет собой компонент предложения, содержащий диктумную (в большей степени), модусную и диктумно-модусную информацию.

В коммуникативном плане ВК нарушают линейный характер построения высказывания, создают двуплановость изложения, отражая определенные авторские интенции.

Функция ВК, в широком понимании, заключается в передаче «дополнительных сведений, не являющихся необходимыми для понимания информации, изложенной в основном предложении, для передачи мыслей, возникающих у пишущего по ассоциации»⁷⁰. Диапазон частных функций ВК достаточно широк и определяется в зависимости от речевой организации текста (стихотворная/прозаическая)⁷¹, функциональной характеристики текста⁷², уровня реализации (предложение или текст)⁷³.

Классификации функций ВК в художественном тексте опираются на связь ВК с различными уровнями текста, в первую очередь, с предложением и текстовым. На уровне предложения выделяют ВК информативного характера (расширение фактуальной информации) и ВК эмоционально-экспрессивного и оценочного характера (выражение субъективного отношения автора)⁷⁴. На текстовом уровне функции ВК определяются их участием в формировании пространственно-временной

⁷⁰ Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. С. 59.

⁷¹ См.: Афанасьева Е. А. Структура и функции вставных конструкций в поэзии Н. М. Карамзина // Вестник Оренбургского государственного университета. Вып. № 11 (199). 2016. С. 3-12; Сагирян И. Г. Указ. раб.

⁷² См.: Полякова Ю. Г. Структура и особенности функционирования вставок в языке газеты. Автореф. дис. ... к. филол. н. Волгоград, 2001; Глушакова С. О. Эволюция функционирования вводных и вставных конструкций в русских научных текстах XVIII-XX веков. Автореф. дис. ... к. филол. н. Свердловск, 1988.

⁷³ Гусаренко С. В. Синтагматические и семантико-прагматические аспекты вставных конструкций в современном русском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. Ставрополь, 1999.

⁷⁴ Кулаковский М. Н. Типы и функции вставных конструкций в русской художественной прозе 20-30-х годов XX века. Автореф. дис. ... к. филол.н. Ярославль, 1996. С. 11.

организации, субъектной организации (взаимодействие субъектно-речевых планов, точек зрения), в формировании образа автора через экспликацию авторской модальности, в установлении межтекстовых связей⁷⁵.

2. Теоретические вопросы описания вводных и вставных конструкции в англистике

В английской синтаксической традиции вводные и вставные элементы объединены понятием parenthesis («парентеза»), под которым понимаются структуры разных уровней (слово, словосочетание или предложение), имеющие пояснительный или уточняющий характер, включенные в текстовый отрезок, но не связанные с основным высказыванием синтаксической связью. На письме данные конструкции обособляются скобками, тире, запятыми⁷⁶. Вопрос о разграничении парентетических конструкций, широко распространенных в английском языке и являющихся особой синтаксической категорией, в англоамериканской лингвистике решается неоднозначно⁷⁷. Критериями различения ВвК и ВК в разных исследованиях считаются позиционные различия, пунктуация, интонация, наличие или отсутствие грамматической связи с предложением. Кроме того дифференциация проводится и по линии систематизации функциональных значений ВвК и ВК. По мнению О. В. Александровой, решение проблемы «вводности» и «вставности» должно опираться на изучение всего комплекса особенностей, характерного для данных синтаксических явлений (структурных, семантических и функциональных)⁷⁸.

Любопытным представляется пунктуационное оформление ВвК и ВК в английском языке. Единой точки зрения в этом вопросе у лингвистов не

⁷⁵ Там же. С. 14-16.

⁷⁶ Александрова О. В. Указ. раб. С. 45-52.

⁷⁷ См.: Faulkner C. W. *Writing Good Sentences. A Functional Approach to Sentence Structure, Grammar and Punctuation*. N. Y., 1957; Greenbaum S. *The Oxford English Grammar*. Oxford, etc.: Oxford university press, 1996; Sweet H. *A New English Grammar Logical and Historical. Part I*. Oxford, 1900.

⁷⁸ Александрова О. В. Указ. раб. С. 51.

существует. Несмотря на то, что английская пунктуация, в отличие от русской, менее регламентирована, в одних работах выделение парентетических конструкций запятыми, скобками или тире считается нормой⁷⁹. Другие же исследователи склоняются к тому, что отделение вводного компонента не является обязательным⁸⁰. Как отмечает Е. П. Седун, средством выделения ВвК является особая интонация (соотношение темпа, тембра и тона): вводный компонент, выражающий модально-оценочные значения, обычно произносится скороговоркой, с меньшей интенсивностью⁸¹.

Выделение ВвК только посредством изменения высоты тона и темпа не всегда является основанием для пунктуационного выделения этих конструкций на письме. Особое логическое ударение на вводном компоненте при осложненной структуре предложения, наоборот, получает выражение в употреблении запятых⁸². Таким образом, при отсутствии четкой системы в употреблении знаков препинания выделение/невыделение парентетических внесений становится показательным, поскольку в большей степени отражает коммуникативный замысел автора высказывания.

Пунктуационное выделение ВК в английском языке строго не регламентировано. ВК могут быть оформлены запятыми, сдвоенным тире или скобками. Г. Керри отмечает, что скобочное выделение обладает большей значимостью, а употребление двойного тире создает «эффект неожиданности». Отмечается связь между употреблением двойного тире и содержанием ВК — часто это дублирование части предшествующего контекста⁸³.

По мнению О. В. Александровой, в художественном тексте широко

⁷⁹ См.: Каушанская В. Л. Грамматика английского языка. М., 1973; Скляр Л. Н. Пунктуация современного английского языка/ М., 1972.

⁸⁰ Кобрина Н А., Малаховский Л. В. Указ. раб. С. 67.

⁸¹ Седун Е. Н. Понятие вводной конструкции в синтаксисе современного английского языка // Иностранные языки в школе. 1956. № 4. С. 13.

⁸² Кобрина Н А., Малаховский Л. В. Указ. раб. С. 67.

⁸³ Carey G. V. Mind the Stop. Cambridge, 1980. С. 69-72.

распространены ВК, оформленные скобками⁸⁴. Протяженные ВК «с присущей им предикативностью, с ярко выраженной модальностью, с экспрессивной окрашенностью»⁸⁵ зачастую содержательно не менее значимы, чем основная линия повествования и требуют «сильного» пунктуационного выделения. Употребление сдвоенного тире связано с выделением менее объемных синтаксических структур, с иным просодическим оформлением ВК.

Функциональные возможности ВК на материале английского языка получают описание, схожее с описанием ВК в русском языке. Так, выделяют функции: 1) пояснительно-уточняющая, 2) причинно-мотивировочная, 3) справочно-отсылочная, 4) передача дополнительных сведений и 5) модальная и эмоционально-оценочная⁸⁶. В художественном произведении через средство ВК реализуется принцип «двойного субъективизма», суть которого заключается в наложении авторской оценки относительно созданного художественно мира на субъективное восприятие реального мира автором⁸⁷, прямо или опосредованно отраженное в тексте.

Различия в теоретическом описании ВвК и ВК в русской и английской синтаксической традиции выявляют трудности при переводе данных структур с одного языка на другой. В связи с отсутствием в англистике четких критериев, позволяющих разграничить ВвК и ВК, возникают вопросы, с одной стороны, их эквивалентного перевода и оформления на письме, с другой — передачи того особого смысла, вкладываемого автором-носителем русского языка в подобные синтаксические структуры.

Парентетические конструкции в русском языке обладают высоким

⁸⁴ Александрова О. В. Указ. раб. С. 87.

⁸⁵ Там же. С. 88.

⁸⁶ Шишкина И. С. Внесения в английском и русском языках (графика, семантика, прагматика) // Вестник ВятГГУ. Вып. 1(1). Киров, 2008. С. 131-134.

⁸⁷ Макерова С. Р. Формы и функции комментирующих предложений в процессе построения художественного произведения : На материале современного английского языка. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 2005. С. 24.

уровнем выражения модальности высказывания, которая имеет сугубо индивидуальный характер, а в контексте проблемы перевода можно обнаружить и национальный компонент, т. е. отражение взаимосвязи языка и культуры. Особенно показательными в этом смысле являются ВвК. Несмотря на значительный пласт ВвК, имеющих полное лингвистическое соответствие в других языках, некоторые из данных структур не только сложно перевести на иностранный язык, но зачастую и невозможно⁸⁸ (например, *небось* или различия между *наверное*, *может быть* и *возможно*).

Если при переводе ВвК внимание сосредоточено на передаче модальных значений, сохранении стилистической окраски, что часто можно проверить по словарям, то перевод ВК требует обеспечения эквивалентности не только на синтаксическом и семантическом уровнях, но и на уровне прагматики. Иными словами, приоритетной задачей переводчика является сохранение коммуникативного эффекта.

В художественном тексте ВК представляет собой особый авторский прием, структура, смысл и функция которого характеризуется уникальностью. В рамках проблемы точки зрения для ВК выделяются признаки «гомогенности» (ВК и включающее предложение «принадлежат» одному субъекту речи) и «гетерогенности» (у ВК и включающего предложения разные субъекты речи)⁸⁹, сохранение которых принципиально важно для адекватного перевода.

Проблема толкования синтаксических значений оригинального текста может быть обусловлена несовпадением грамматических систем разных языков. В таких условиях переводчик сталкивается с необходимостью совершать как вынужденные, так и произвольные отклонения от подлинника. В зависимости от восприятия переводчиком авторской тактики, от средств ее оформления меняется качество отражения авторского замысла в тексте

⁸⁸ Антонова В. В. Парентеза как синтаксический механизм оформления безэквивалентной лексики // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Т. 5. Вып. 4. Иваново, 2014. С. 302-304.

⁸⁹ Гусаренко С. В. Указ. раб. С. 9.

перевода. При сопоставлении нескольких вариантов перевода с оригиналом появляется возможность выявить «изменения “образа автора” от текста к тексту»⁹⁰.

3. Модальность, оценочность и субъективность как текстовые категории

На уровне текста категория субъективной модальности приобретает особое значение. Текстовая модальность в работах исследователей определяется как важнейший аспект текстообразования, как категория «выражающая отношение субъекта, автора к объекту, предмету речи и его целевую установку»⁹¹, а также во много обуславливающий связность и форму речи⁹².

Рассматривая модальность как текстовую категорию, И. Р. Гальперин, не сформулировав определение, описал основные признаки данной категории: текстовая модальность носит функционально-семантический характер, неравномерно проявляется в разных фрагментах текста и выражается в характеристике героев, в распределении различных отрезков высказывания, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и т.д.⁹³ На формирование текстовой модальности большое влияние оказывают экстралингвистические факторы (например, объект изображения, личность автора, особенности его мировоззрения, эмоциональный настрой и др.).

Как писал Ш. Балли, модальность — это «душа предложения; как и мысль, она формируется в результате активной операции говорящего

⁹⁰ Уржа А. В. Концепция коммуникативной грамматики текста и сопоставительный анализ русских переводов произведения / Ученые записки Российского государственного социального университета. Выпуск № 1 / 2010. С. 129.

⁹¹ Ваулина С. С. К вопросу о структурно-содержательной природе языковой модальности (от модальности предложения к модальности текста) // Вестник Калининградского государственного университета. Вып. 1: Сер. Языки, литература и культура стран Балтийского моря. Калининград, 2004. С. 16.

⁹² Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 180.

⁹³ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 115.

субъекта»⁹⁴. Текстовая модальность также является категорией антропоцентрической (за любым текстом стоит его создатель), обязательным свойством любого текста, выражающим отношение производителя речи/ текста к собственно тексту и к миру, действительности.

Концепция текстовой модальности Г. Я. Солганика ориентируется на категорию лица, которая предстает как ядро поля модальности. По мнению исследователя, «я — это изначальный центр любого высказывания, его основа, даже тогда, когда я открыто не выражено»⁹⁵. В тексте структура я «модифицируется, усложняется. И главное заключается в том, что я говорящего, переходя в речь, может совпадать, а может и не совпадать с производителем речи»⁹⁶. Г. Я. Солганик выделяет два компонента, составляющих категорию текстовой модальности, — отношение производителя речи к собственной речи, которое выражается в соотношении говорящего и субъекта речи, и отношение производителя речи к действительности. Отношение говорящего к миру формируется на основании несовпадения (третьеличное повествование) или совпадения (повествование от первого лица) производителя речи и ее субъекта. Так, в первом случае отношение к действительности понимается как объективное, а во втором, соответственно, субъективное. При этом наивысшая модальность связана с типом повествования от первого лица.

Принципиальным отличием художественного текста является несовпадение производителя речи и ее субъекта. Невозможность отождествить говорящего субъекта с реальным автором делает художественное произведение условным, способным к стилизации, полифонии. С реализацией текстовой модальности в художественном стиле тесно связано понятие «образа автора», который, по мнению В. В. Виноградова, представляет собой «центр, фокус, в котором

⁹⁴ Балли Ш. Указ. раб. С. 44.

⁹⁵ Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1998. С. 12.

⁹⁶ Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. М., 2010. С. 13.

скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приёмы произведений словесного искусства»⁹⁷. Субъект художественной речи, лишь условно соотносящийся с конкретным автором, становится его образом.

В художественном тексте категория субъективной модальности в большей или меньшей степени реализуется за счет авторской оценки изображаемого и выражения точки зрения говорящего и является одной из форм проявления авторского начала в произведении.

По мнению Е. А. Поповой, «модальность, как выразитель отношения, по природе своей оценочна и субъективна, так как исходит только от личности»⁹⁸ и отражает его ценностные установки, особенности его речевого поведения. Категория субъективной модальности рассматривается как интегрирующее начало стилистических средств, позволяющее выявить индивидуально-авторский стиль⁹⁹.

Текстовая модальность, в отличие от модальности высказывания, характеризуется имплицитностью¹⁰⁰. В таких речевых условиях, как диалогичность, наличие реального или потенциального адресата, полнота знания говорящего о действительности, эмоциональное состояние, «вторжение» в речь субъективно-рефлексирующего начала представляется неизбежным. Модальность как текстовая характеристика может не иметь непосредственного языкового выражения.

Художественный текст как объективная данность, существующая независимо от своего создателя, так или иначе несет на своей речевой структуре и общем замысле отпечаток субъективного авторского начала, которое «формируется и проявляется исходя из соотношения всех имеющихся в произведении субъектно-речевых сфер: повествователя,

⁹⁷ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 151.

⁹⁸ Попова Е. А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста. Автореф. дис. ... к. филол. н. Липецк, 1996. С. 8.

⁹⁹ Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Н. Новгород, 2008. С. 25

¹⁰⁰ Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 112.

рассказчика, персонажа». Рассмотрение проблемы текстовой модальности, таким образом, тесно связано с необходимостью ее соотнесения с речевой структурой произведения¹⁰¹.

4. Роль вводных и вставных конструкций в формировании субъектной перспективы высказывания и текста

Данное исследование опирается на антропоцентрический подход к анализу рассказа Вл. Маканина «Кавказский пленный», т.е. подход, при котором категория субъекта (модусного и диктумного) рассматривается как организующее начало текста.

Отражение субъекта в произведении художественной литературы давно является предметом изучения филологов, а прием взаимодействия речевых сфер автора и персонажа получил название «субъективации».

Исследование приема субъективации повествования началось в 70-х гг. XX в. В работе «О теории художественной речи» В. В. Виноградов впервые выделил и определил понятие субъективированного повествования (в которой оно называется «субъективизированным повествованием»)¹⁰². Согласно теории В. В. Виноградова, субъективированное повествование непосредственным образом связано с образом автора — тем фокусом повествования, который объединяет «всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчицами и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием»¹⁰³. Любое проявление персонажа рассматривается как своеобразная авторская маска.

В составе авторского повествования субъективация, по мнению В. В. Виноградова, возникает в случае использования приема несобственно-

¹⁰¹ Попова Е. А. Указ. раб. С. 11.

¹⁰² Виноградов В. В. О теории художественной речи. С. 117.

¹⁰³ Там же. С. 118.

прямой речи, а наличие точки зрения выступает в качестве показателя языкового сознания персонажа.

Близость сознания автора и персонажа, как отмечает Б. О. Корман, имеет градуальный характер. Согласно Б. О. Корману, в наибольшей степени близок к автору такой субъект сознания, который максимально «растворен в тексте и незаметен в нем. По мере того, <...> как субъект сознания становится определенной личностью со своим особым складом речи, характером, биографией, тем в меньшей степени он выражает авторскую позицию»¹⁰⁴.

В качестве общей теории, позволяющей соединить в лингвистическом анализе субъект (в первую очередь его время и пространство) и роль ВвК и ВК в его воплощении выступает коммуникативно-функциональная грамматика Г. А. Золотовой, прежде всего система коммуникативных регистров и субъектная перспектива текста, разработанная Н. К. Онипенко¹⁰⁵.

Речевое воплощение авторского «я» проявляется в системе субъектов речи и их взаимодействия в тексте, которые формируют субъектную перспективу текста. Субъектная перспектива определяется соотношением пяти субъектов (субъектных зон), две из которых относятся к диктуму (S1 — субъект базовой модели и S2 — субъект-каузатор), остальные — к модусной стороне высказывания (S3 — субъект авторизатор, S4 — субъект говорящего, S5 — адресат). Субъектная перспектива дает возможность определить «обладателя» модуса.

В коммуникативном регистре реализуется пространственно-временное положение субъекта модуса, которое выражено семантикой предиката. В данном исследовании особое внимание регистрам монологической речи: репродуктивному, информативному, генеритивному.

В тексте, в частности, художественном, разные слова и конструкции предполагают говорящего в разных ипостасях. В центре внимания

¹⁰⁴ Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. С. 34.

¹⁰⁵ Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

оказываются грамматические способы выражения субъективации, «т. е. средства, обнаруживающие отнесенность содержания высказывания и текста к определенной точке зрения — к определенному субъекту модуса, модусную обусловленность диктальной синтаксической структуры, или прагматическую составляющую семантики высказывания»¹⁰⁶.

Совокупность средств выявления точки зрения говорящего связана с понятием модуса. Модус — часть содержания высказывания, в которой представлен субъект сознания и речи и его отношение к содержанию высказывания. В качестве модусных (или модальных) выступают языковые средства, лежащие «как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания», представляющие собой «стилистический ключ, открывающий модальность предложения»¹⁰⁷.

Принимая во внимание вторичность модуса в предложении, исследователи отмечают, что «в тексте, тем более художественном развитие модуса обретает определенную самостоятельность и самоценность. Модусный план не является лишь «обрамлением» событийной линии и описательного фона, выбор того или иного модуса способен образовывать события или проблематизировать их, ускорять или замедлять движение повествовательного времени, т.е. не просто устанавливать отношение к диктуму, но и организовывать сам диктум»¹⁰⁸.

Для говорящего ВвК относятся к ядерным способам обнаружения себя в высказывании, поскольку являются основным «морфологизованным средством выражения модуса и, соответственно, <...> точки зрения»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М., 2013. С. 93.

¹⁰⁷ Виноградов В. В. Русский язык. С. 568.

¹⁰⁸ Сидорова М. Ю. К развитию четырехступенчатой модели анализа текста // Грамматика и текст. Под ред Г. Фонтаньского. Т. 4. Польша, Катовице, 2014. С. 6-29.

¹⁰⁹ Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1996. С. 8.

В художественном тексте ВвК обнаруживают говорящего в роли повествователя или персонажа и служат в качестве приема создания «образа автора». Использование ВвК в нарративном режиме оправдывает «введение нефактической информации, описание ментальных состояний, <...> внутренних мотиваций и душевных состояний персонажа»¹¹⁰. Отражая точку зрения говорящего, ВвК «сообщают» о переключении речевых сфер, выступают в качестве усложнителей субъектной перспективы текста.

Напротив, ВК, описанные в нормативных грамматиках как структуры, содержащие исключительно диктумную информацию, не принято относить к числу средств экспликации точки зрения в художественном повествовании. Тем не менее в некоторых исследованиях доказывается способность ВК, не имеющих ограничений ни в структурном, ни в семантическом плане, представлять как диктумную, так и модусную стороны высказывания. Вставка, широко понимаемая как уточнение, пояснение объективного содержания высказывания, в художественном тексте, особенно в третьеличном повествовании, наделяется рядом дополнительных функций. Известно, что ВК в составе предложения является знаком дополнительного плана повествования. Так, ВК, разграничивая информацию на сюжетную и фоновую, обнаруживает творческую лабораторию автора-творца (авторские ремарки, обнаружение речевой тактики, оценка цитируемого слова)¹¹¹. Использование ВК нередко выявляет переключение между субъектными сферами автора и персонажа или отдельных персонажей. Таким образом, контексты с ВК определяются как полисубъектные.

Обзор научной литературы убеждает, что и ВвК, и ВК служат средствами вербализации речевых сфер разных субъектов в границах одного контекста, что влечет за собой «диалогизацию монолога»¹¹².

¹¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹¹ Поспелова Е. Г. Семантико-синтаксические типы и текстовые функции вставных конструкций. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 2005.

¹¹² Онипенко Н. К. Идея субъективной перспективы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1994. № 3. С. 79.

Выводы

В русистике вводные (ВвК) и вставные (ВК) разграничивают на основании структурных, семантических и коммуникативных различий. В англистике ВвК и ВК рассматриваются как явления одного порядка и объединяются термином «парентеза».

ВвК и ВК обогащают модусные смыслы предложения и текста. ВвК представляют собой «чистый» модус — выражают исключительно субъективные смыслы: оценки говорящего, эмоциональное состояние, направленность на собеседника. ВвК относятся к ядерным способам обнаружения «автора» высказывания.

На основе обобщения существующих классификаций и фактического материала в данной работе предлагается классификация ВвК на основании выражаемых субъективно-модальных значений: эпистемическая модальность, модальность обычности и логическая модальность.

Связь ВК с модусом проявляется в том, что они сигнализируют о присутствии говорящего, указывая на параллельный мыслительный процесс. В художественном тексте ВвК обнаруживают говорящего в роли повествователя или персонажа и служат в качестве приема создания «образа автора».

Сравнение функций, выполняемых ВК в художественных произведениях русских и английских авторов, приводит к выводу о схожей функциональной нагрузке данных конструкций в русском и английском языках.

ВК создают дополнительный план повествования, т.е. задают полисубъектность и многоголосие художественного текста.

Выявление методом сплошной выборки ВвК и ВК из текста рассказа Вл. Маканина и выделение в текстах переводов аналогичных контекстов даст возможность осмыслить значимость анализируемых конструкций для структуры субъектной перспективы текста рассказа.

ГЛАВА 2. ВВОДНЫЕ И ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РАССКАЗЕ Вл. МАКАНИНА «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННЫЙ»

1. Позиция вводных конструкций в составе высказывания

Методом сплошной выборки в тексте рассказа Вл. Маканина выявлено 41 вводная конструкция.

В составе предложения ВвК могут занимать различные позиции. Расположение ВвК в пре-, интер- или постпозиции относительного основного предложения полностью починено интенции говорящего. ВвК относится ко всему предложению в позиции начала или в конца, либо к отдельным его частям при контактном со словом или группой слов положении.

В рассказе «Кавказский пленный» наиболее 75% (31 вводный элемент) от общего числа ВвК маркирует определенный элемент в структуре предложения, находясь в интерпозиции, например:

*Рубахин завел ему руки, вывернув плечо, **конечно** с болью — маркируется именно с болью.*

*Автомат, **как всегда**, на коленях — маркируется на коленях.*

Употребление ВвК в интерпозиции сглаживает их интонационное выделение, однако, актуализирует ту часть предложения (предикат, второстепенный член), в непосредственной близости с которой находится. ВвК распространяет свое значение на существенный, с точки зрения оценивающего субъекта, компонент высказывания.

В 25% контекстов (10 случаев) ВвК употребляется в препозиции.

***Возможно**, в этом смысле красота и спасает мир.*

***Впрочем**, Вовка симпатичный, улыбочивый и где на лишнюю секунду задержится — пустит корешки.*

Инициальное расположение ВвК указывает на стремление говорящего выразить свое отношение к факту (сомнение/убежденность/согласие) до сообщения фактической информации и тем самым в какой-то степени внушить адресату свою точку зрения. В этом смысле низкая частотность

употребления ВвК в препозиции свидетельствует о желании говорящего уйти от прямого навязывания своей оценки собеседнику.

Случаев употребления ВвК в конечной позиции в тексте рассказа не выявлено. Отсутствие ВвК в финальной позиции представляется намеренным приемом ввиду того, что при употреблении ВвК в конце предложения (при нисходящей интонации и обособлении) создается впечатление необязательности этого добавления.

2. Модальные значения вводных конструкций и точка зрения говорящего

Функции ВвК в художественном тексте определены в трудах Б. А. Успенского, подчеркивавшего, что их использование мотивировано не сомнениями автора «в действительных ощущениях персонажей», а необходимостью «указать на точку зрения, с которой ведется повествование»¹¹³. Сходным образом ВвК рассматриваются в рамках коммуникативного подхода к изучению синтаксиса, т.е. как маркеры «диалогизованности» текста, его «полифоничности»¹¹⁴. Анализ ВвК выявил разнообразный состав данных синтаксических единиц с точки зрения семантической характеристики. На базе инвариантного модального значения вводных компонентов — отношение говорящего к содержанию сообщения — сформирован комплекс частных значений¹¹⁵. Ядерную группу субъективно-модальных значений составляют ВвК со значением достоверности/недостоверности: **видно** (указывает на то, что утверждение основывается не на точном знании, а на предположении, впечатлении говорящего (СССРЯ)), **возможно** (выражает предположение о возможности, вероятности, допустимости чего-либо (СССРЯ)), **конечно** (выражает твердую уверенность

¹¹³ Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970. С. 115.

¹¹⁴ Онипенко Н. К. Идея субъективной перспективы в русском языке. С. 74.

¹¹⁵ Семантизация ВвК производится на данных словарей: Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. (СССРЯ). М., 1997; Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. (МАС). М., 1999.

говорящего в достоверности, истинности высказывания (СССРЯ)), *может быть/быть может* (выражает неуверенное предположение о возможности, вероятности, допустимости чего-либо (СССРЯ)), *несомненно* (указывает на то, что говорящий не сомневается в достоверности, истинности высказывания (СССРЯ)), *пожалуй* (выражает допущение, возможность чего-либо (СССРЯ)), *понятно* (выражает уверенность говорящего в достоверности, истинности, правомерности высказывания в силу ясности для каждого, о чем идет речь (СССРЯ)), *разумеется* (выражает твердую уверенность говорящего в достоверности, истинности высказывания (СССРЯ)), *скорее всего* (наиболее вероятно (МАС)).

К околядерной зоне поля субъективной модальности относятся ВвК, выражающие:

а) модальность обычности: *как всегда/как и всегда* (указывает на полную неизменность и регулярность проявления какого-либо качества, совершения какого-либо действия (СССРЯ)), *как водится* (по обыкновению, как всегда, как принято (МАС));

б) логическую модальность: *во-первых* (при последовательном перечислении употребляется для обозначения и выделения первого пункта (СССРЯ)), *собственно* (указывает на то, что говорящий ограничивается только существом дела, оставляя в стороне частности (СССРЯ)), *впрочем* (выражает нерешительность, колебания, сомнения (МАС)), *однако* (тем не менее, все же, все-таки (МАС)).

2.1. Вводные конструкции как средство выражение эпистемической модальности

Традиционно эпистемическая модальность понимается как категория, в определенной степени называющая отношение говорящего к пропозициональному содержанию сообщения в плане его истинности. ВвК, эксплицирующие оценку высказывания с точки зрения достоверности/недостоверности сообщаемого, представлены в тексте оригинала как

доминирующая группа: 75% от общего числа ВвК (31 контекст). В состав группы входят ВвК:

*видно (3),
возможно (5),
конечно (14),
может быть/быть может (1/1),
несомненно (1),
пожалуй (2),
понятно (1),
разумеется (1),
скорее всего (2).*

ВвК со значением эпистемической модальности можно разделить на следующие подгруппы¹¹⁶:

- 1) ВвК выражающие высокую степень уверенности говорящего в истинности / ложности высказывания — модальность категорической достоверности;
- 2) ВвК, выражающие предположение говорящего относительно истинности / ложности высказывания — модальность проблемной достоверности.

Далее указанные подгруппы рассмотрены подробнее.

2.1.1. Вводные конструкции, выражающие категорическую достоверность

В качестве средств выражения категорической достоверности в оригинальном тексте рассказа «Кавказский пленный» используются лексемы: *конечно (14), несомненно (1), понятно (1), разумеется (1)*. Данная группа составляет 41% всех ВвК в тексте.

(1) Он [пленный] вообще держался посмелее. Тоски в глазах не было. Он, несомненно, уже знал, что Рубахин смущен наметившимися их отношениями.

¹¹⁶ Построение классификации опирается на исследования, посвященные разработке проблемы эпистемической модальности на материале как русского, так и английского языков. См. работы: Ореховой Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции. Автореф. дис. ... д. филол. н. М., 2001; Трошиной А. В. Эпистемические модальные модификаторы в английском и русском языках. Автореф. дис. ... к. филол. н. СПб., 2008; Швец В. М. Усвоение ребенком эпистемической модальности. Автореф. дис. ... к. филол. н. Череповец, 2007.

Посредством вводного **несомненно** повествователь обнаруживает свою внесобытийную точку зрения, используя данную лексему как средство убеждения адресата сообщения (читателя) в истинности своих знаний. Бесспорность утверждения подчеркивается наречием *уже* со значением «окончательного совершения, наступления какого-либо действия, состояния» (МАС), предполагающее, в данном случае, внетекстовую точку отсчета, известную только создателю текста.

Как показал материал, наиболее частотным является слово **конечно**. По данным словарей (СССРЯ, Частотный словарь русского языка под ред. Л. Н. Засориной¹¹⁷) лексема **конечно** употребляется чаще и в ряду синонимов представляется стилистически наиболее нейтральной. Например:

(2) *Не медля больше, Рубахин швырнул свой автомат — по ногам [убегающего боевика]. Этого, конечно, хватило.*

ВвК **конечно** эксплицирует оценку изображаемых событий как соответствующих ожиданию с точки зрения персонажа, действия которого (*швырнул по ногам*) преследовали определенную цель и достигли ее.

(3) *Жизнь сама собой переменялась в сторону войны (и какой дурной войны — ни войны, ни мира!) — и Гуров, разумеется, воевал.*

ВвК **разумеется** указывает на неизбежность ситуации, на неспособность героя (Гурова) каким-либо образом повлиять на ход событий.

(4) *Она, понятно, обругала, попеняла солдату, так скоро бросившему ее у магазина.*

ВвК **понятно** с разговорной окраской (МАС) подчеркивает, что содержание высказывания истинно в силу ясности для каждого (персонажей, повествователя и даже читателя) того, о чем в нем говорится.

ВвК, выступающие средством актуализации модального значения уверенности, в то же время подчеркивают рутинность и неотвратимость происходящего, невозможность каким-либо образом повлиять на окружающую действительность. Широкое употребление в рассказе ВвК данной группы выявляет авторский замысел Вл. Маканина, который

¹¹⁷ Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

заключается в том, чтобы убедить адресата/читателя в истинности описываемой им истории. Следуя поставленной задаче, повествователь, не принадлежащий изображаемому миру, подключает к объективированному повествованию другие «голоса», точки зрения персонажей, которые являются непосредственными участниками изображаемых событий.

2.1.2. Вводные конструкции, выражающие проблемную достоверность

ВвК данной группы выявляют значение разной степени уверенности в достоверности информации: *видно (3), возможно (5), может быть/быть может (1/1), пожалуй (2), скорее всего (2)*. Данная группа составляет 34% всех ВвК в тексте. Употребляя ВвК проблемной достоверности, субъект речи выражает значение гипотетичности, неуверенности. Например:

(5) *Бояркова, **быть может**, эти же самые боевики застрелили спящего <...>*

ВвК ***быть может***, описанная в СССРЯ В. В. Морковкина с пометами *высок.* и *поэт.*, органично вписывается в синтаксическую структуру с инверсированным расположением членов предложения. Инверсия придает высказыванию ритм и мелодику разговорной речи, а также подчеркивает его экспрессивный характер, делая каждый компонент стилистически значимым. Поэтизация синтаксической конструкции передает напряженность изображаемой ситуации, благодаря которой можно уловить эмоциональное состояние говорящего.

(6) *Пленного, **видно**, мучила жажда; стремительно шагнув, он, словно рухнул, упал на колени, гремя галькой.*

Посредством ВвК *видно* выражается предположение о причинах поведения персонажа на основании непосредственного наблюдения с привлечением логики и общих знаний.

(7) *Их [боевиков] было отлично видно. Он бы, **пожалуй**, попал и без оптического прицела.*

ВвК *пожалуй* с высокой степенью выражает допущение, основанное на оценке параметрической информации (расстояние до цели), полученной персонажем путем зрительного восприятия (*отлично видно*).

(8) *Обезоруженных было много, двадцать два человека, и потому, возможно, Рубахин отстоял своего пленного без труда.*

ВвК *возможно* указывает на отсутствие однозначной трактовки ситуации, т.е. предположение говорящего может быть с равной степенью вероятно как подтверждено, так и опровергнуто.

На границе категории проблемной достоверности находится ВвК **в общем (2)**, связанная с идеей обобщения:

(9) *Солдаты, скорее всего, не знали про то, что красота спасет мир, но что такое красота, оба они, в общем, знали.*

Значение вывода, итога, выраженное ВвК *в общем* (МАС), сближается с семантикой неопределенности. По мнению Н. Д. Арутюновой, говорящий, сталкиваясь с новым для него фактом действительности, пытается построить обобщенную модель, превращая отдельный случай в правило¹¹⁸. Таким образом, истинность обобщения не всегда можно вывести за рамки субъективной оценки.

Употребляя *в общем*, субъект речи-повествователь останавливается на такой характеристике персонажей, в которой, однако, в неявном виде сохраняется и противоположная сторона (в общем, знали, а в частности, могли не знать или знали, но не то). Эта неопределенность дает говорящему своеобразное поле для маневра, в том числе возможность отступить.

2.2. Вводные конструкции, выражающие модальность обычности

Модальность обычности — зона субъективной модальности, специфика которой во многом определяется связью с полем темпоральности. ВвК, выражающие данное модальное значение, указывают на повторяемость изображаемых фактов и явлений. В состав данной группы входят ВвК: **как водится (1)**, **как всегда/как и всегда (1/1)**. Например:

(11) *Автомат, как всегда, на коленях.*

(12) *Вовка, как и всегда, полагался на опыт Рубахина, за километр слышавшего*

¹¹⁸ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 825.

камень под чужой ногой.

Наречие *всегда* в составе ВвК реализует одно из своих частных значений — дискретно-временное («*каждый раз, когда*»), которое означает «наличие постоянного отношения одновременности между повторяющимися событиями»¹¹⁹. В данных примерах посредством ВвК *как всегда* действия персонажей оцениваются, во-первых, как повторяемые и привычные; во-вторых, как обусловленные ситуацией: в первом случае — соображениями безопасности, во втором — доверительными отношениями между участниками изображаемых событий. В примере с *как и всегда* усилительная частица *и* придает значению ВвК большую убедительность.

(13) <...> *из вещмешка Вовка извлек ополовиненную бутылку портвейна; скрытным движением он сунул ее под столом Рубахину, чтобы тот, зажав бутылку, как водится, меж колен, незаметно для других ее допил.*

ВвК *как водится* указывает на оценку действий персонажа как соответствующих заведенным в микроколлективе правилам, обычаям.

ВвК данного типа, актуализируя сему обычности, функционируют в качестве показателей стереотипности ситуации. Кроме того, в приведенных примерах имплицитно действия персонажей, поступающих в соответствии с ожиданиями, правильно, оцениваются как положительные.

Подчеркивая тривиальность события или факта, говорящий оказывает воздействие на адресата сообщения, не давая ему возможности усомниться в истинности своих слов. В этом плане модальность обычности сближается с модальностью категорической достоверности.

2.3. Вводные конструкции, выражающие логическую модальность

Под логической модальностью здесь, вслед за Е. Н. Ореховой, понимается выражение логики мысли, выделение приоритетных, ключевых, с точки зрения говорящего, моментов высказывания¹²⁰. В данную группу

¹¹⁹ Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985. С. 225.

¹²⁰ Орехова Е. Н. Указ. раб. С. 29.

входят ВвК: *во–первых (1), собственно (2), впрочем (1), однако (1)*.

Например:

(14) Он глянул на пойманного: лицо удивило. **Во–первых**, молодостью, хотя такие юнцы, лет шестнадцати-семнадцати, среди боевиков бывали нередко.

В данном примере два предложения представляют собой синтаксическую конструкцию со «структурно–зависимой парцелляцией», суть которой заключается в исключении из базового предложения зависимого, но факультативного распространителя¹²¹. ВвК *во–первых* в парцелляте не только выделяет приоритетную характеристику внешности пленного, но выполняет функцию заполнения естественных пауз хезитации при выборе языковых единиц¹²², поскольку при парцелляции дробление синтаксической структуры имитирует процесс речепорождения, когда высказывание появляется в сознании говорящего не сразу, а в момент, как здесь, наблюдения.

(15) Горы. Горы. Который год бередит ему сердце их величавость, немая торжественность — но что, **собственно**, красота их хотела ему сказать? зачем окликала?

ВвК *собственно*, выражающее намерение говорящего ограничиться только существом дела, не затрагивая частности (СССРЯ В. В. Морковкина), используется в тексте рассказа дважды (оба раза в вопросительных предложениях). Данный пример — финальная фраза рассказа, в которой персонаж задается экзистенциальными вопросами, адресованными не только себе, но и читателю.

ВвК *впрочем* и *однако* выполняют союзную функцию (в словарях БАС, МАС и СССРЯ В. В. Морковкина определены в первую очередь как противительные союзы). И *впрочем*, и *однако* (их синонимические отношения отмечены в словаре В. В. Морковкина) устанавливают в

¹²¹ Иванчикова Е. А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 289.

¹²² Норман Б. Ю. Указ. раб. С. 192.

высказывании смысловую иерархию, противопоставляя предшествующую и последующую часть высказывания.

(16) *Удивительно, как сразу эта молодуха идет навстречу <...>. **Впрочем**, Вовка симпатичный, улыбочивый и где на лишнюю секунду задержится — пустит корешки.*

ВВК *впрочем* устраняет категоричность предшествующей информации (*удивительно*), имплицитно вводя отрицание (*впрочем* = *не удивительно*).

(17) *Подполковник Гуров, **однако**, не в части, а у себя дома.*

Аналогичную функцию выполняет и ВВК *однако*, подчеркивая противоречие ожидаемому, должному (солдаты направлялись в воинскую часть к командиру).

ВВК *впрочем* и *однако* в составе предложения маркируют своеобразное возражение предшествующей мысли, имитируя диалог, указывая на адресованность речи.

3. Вставные конструкции в составе высказывания

ВК неоднородны по степени синтаксической связи с основным предложением.

Синтагматически связанными являются ВК, имеющие показатели морфолого-синтаксической связи на уровне сочинения или подчинения с базовым предложением, при этом отмечается зависимость вставки от включающего предложения. При элиминации скобок синтагматически связанный вставной элемент естественным образом входит во включающее предложение, которое не претерпевает ни структурных, ни семантических изменений.

*Короткими перебежками оба солдата в пятнистых гимнастерках добираются до вырытой наполовину (**и давно заброшенной**) траншеи газопровода — до рыжего, в осенних красках бугра.*

*И юноша — **услышав или угадав его настороженность** — тоже чутко замер.*

*К тому же все слова он сказал, и теперь правильные слова сами (**своей неспешной логикой**) доберутся до его старого друга Гурова.*

Синтагматически не связанные ВК не имеют внешних показателей

синтаксической связи с основным предложением, связь вставки оформлена лишь интонационно. В этом случае опущение скобок невозможно без нарушения грамматической правильности включающего высказывания.

Под их долгий, жаркий шепот (слова уже становились неразличимы) Рубахин уснул.

Рубахин отобрал у Вовки транзистор (ночью ни звука).

Подчас, углядев у кого-то из горцев что-нибудь поблескивающее на солнце — бутылку водки или (было поутру!) замечательный китайский термос, Вовка тщательно прицеливался и вдребезги разносил выстрелом заметный предмет.

В рассказе Вл. Маканина отмечается заметное преобладание синтагматически связанных вставных единиц в соотношении с не связанными (68 % к 32 %).

Наблюдения над синтагматически связанными ВК показывают, что они, органично встроенные в ткань повествования, выдают дополнительный голос — голос как бы второго рассказчика, более осведомленного, чем основной рассказчик. Создается образ постоянно присутствующего дополнительного рассказчика, который вмешивается в речь основного повествователя, но не прерывает его мысли и не берет на себя коммуникативную инициативу.

Синтагматически не связанные ВК, в свою очередь, указывают на точку зрения персонажа, «комментарии» которого в стилистическом и эмоциональном плане диссонируют с основным предложением.

Таким образом, синтаксическая связь свидетельствует о своеобразном разделении миров — повествователя (гармоничное соединение) и персонажа (дискретное высказывание).

4. Синтаксическая структура вставных конструкций

С силу своей специфики — способности выражать самый широкий круг значений — ВК разнообразны и в плане синтаксического строения. ВК различны по своему объему: они могут быть представлены словоформой, сочетанием слов, предложением.

1. ВК, выраженные словоформой. Всего в тексте рассказа выявлено

11 случаев.

Стреляли в упор; <...> проломив ребра, пули вынесли наружу все его нутро — на земле (в земле) лежало крошево ребер, на них печень, почки, круги кишок, все в большой стылой луже крови. <...> А его нутро, вместе с пулями, лежало в земле.

Предложно-падежная словоформа в ВК уточняет детерминирующее обстоятельство места основного предложения, усложняя смысл высказывания в целом. Примечательно, что финальная фраза сложного синтаксического целого, представленного здесь в сокращенном виде, представляет собой рефрен, демонстрирующий выбор говорящего в пользу словоформы, помещенной ранее в ВК.

2. ВК, выраженные словосочетанием. Всего выявлено 20 случаев употребления.

Когда боевики набегали, Боярков толкнул свой приемничек в сторону (своего верного дружка), чтобы тот сполз с бугра в траву.

Содержание ВК соотносится с компонентом базового предложения структурно (параллельное строение *свой приемничек/свой дружок*) и семантически (диминутивный суффикс существительных), образуя ряд контекстуальных синонимов. ВК выражает эмотивное отношение к предмету как к одушевленной сущности.

3. ВК, представляющая собой фрагмент осложненного предложения: обособленные определения и обстоятельства, ряд однородных членов, сравнительные обороты. Всего выявлено 36 случаев.

Однажды не застал он [Гуров] райкомовца ни в кабинете, ни дома: тот уехал. Но зато застал его жену. (Поехав к ним домой.)

Синтагматически связанная ВК (обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом) способствует интонационному и смысловому выделению. При этом деепричастный оборот в структурном отношении представляет собой фрагмент расчлененного предложения — парцеллят, дополнительно актуализированный посредством скобок. В нарративе возникает двусмысленность (*не застал райкомовца ни в кабинете, ни дома, но застал жену*), имитирующая спонтанную, неподготовленную речь. Создается

впечатление, что поиск жены был и в кабинете, и дома. Эта двусмысленность снимается ВК — голосом дополнительного рассказчика.

Не передохнув и минуты, солдаты топают туда, где живет подполковник, всесильный в этом месте, а также во всех примыкающих (красивых и таких солнечных) местах земли.

Вклиниваясь в предложение, ВК, стилистически чуждая основному высказыванию, привносит дополнительные оценочные характеристики, поэтизируя изображаемый ландшафт.

ВК представляет собой дополнительную оценочную характеристику компонента основного предложения — *красивых и таких солнечных местах*. В стилистическом плане «вставная» оценка, основанная на визуальном восприятии, резко контрастирует с базовой структурой, повышая ранг определяемой лексемы в системе языка от непоэтического к поэтическому. Иными словами, ВК выступает средством поэтизации описываемого ландшафта.

4. ВК, выраженные простым предложением. Всего выявлено 35 случаев.

Операция по разоружению (еще с ермоловских времен она и называлась “подковой”) сводилась к тому, что боевиков окружали, но так и не замыкали окружение до конца. Оставляли один-единственный выход.

Синтагматически не связанное с включающим контекстом вставное предложение используется, во-первых, для введения в повествование исторического контекста за счет отсылки к периоду военных действий на Кавказе в первой трети XIX в. Во-вторых, ВК, являясь комментарием к «слову» повествователя, направлена на расширение фоновых знаний адресата сообщения.

5. ВК, выраженные сложным предложением. Всего выявлено 6 случаев.

Нагнав, он не стал ни хватать, ни валить (пока с ним, упавшим, разберешься, первый наверняка уйдет).

В данном случае ВК представляет собой комментарий персонажа, в котором тот мотивирует действия, изображенные повествователем в основном предложении.

6. ВК, выраженные придаточной частью. Всего выявлено 6 случаев.

Не удивительно, что ночью он крепко уснул (хотя был его час) и не уследил, как рядом пробежал зверь, возможно кабан.

ВК представляет собой критическое замечание со стороны участника событий относительно действий субъекта из основного предложения.

7. ВК, выраженные частью сложносочиненного предложения. Всего выявлено 4 случая.

Медленно Рубахин притягивал юношу к себе ближе (а глаз не отрывал от левой тропы, от подтягивающейся цепочки отряда).

В данном примере интересным представляется соотношение двух однокоренных слов *притягивал/подтягивающийся* с общей семантикой приближения. Близкие по смыслу лексемы, разделенные союзом *а*, вступают в контрастные отношения: с одной стороны, физический контакт как следствие осознанных и необходимых в сложившихся условиях действий (*Рубахин притягивал юношу*), с другой — приближение вражеского отряда, нежелательный и неконтролируемый персонажем процесс.

8. ВК, выраженные двумя и более предложениями. Всего выявлено 12 случаев.

Грузовики стояли. (Рубахина это мало волновало. Когда-нибудь да ведь дадут им дорогу.)

ВК представляет собой два самостоятельных предложения с причинно-следственной связью. При этом «следствие» (*Рубахина это мало волновало*) выражено в контексте авторского повествования, а «причина» эксплицирует голос самого персонажа, Рубахина.

9. С точки зрения структурной организации, интерес представляют случаи осложнения ВК дополнительной вставкой. Вставки данного структурного типа обособляются при помощи разных знаков препинания, т.е. если включающая вставка выделяется скобками, то для обозначения

включенного элемента используется тире, и наоборот. В тексте рассказа выявлен один случай подобного употребления.

Гуров сонно смотрит на них обоих, таких пропыленных (пришедших к нему незвано и — что тоже не в пользу — совсем незнакомых ему своими лицами) <... >

Скобочная ВК отражает голос персонажа, Гурова. ВК, оформленная двойным тире, отражает голос субъекта, логически оценивающего и в какой-то мере предвосхищающего дальнейшие события.

Наблюдения над синтаксической структурой ВК позволяет заключить, что употребление однословных, с одной стороны, и сложных предикативных комплексов, с другой, демонстрируют разную степень глубины, детализации дополнительных сведений. Широкое употребление в качестве вставных единиц простых предложений, свидетельствует о стремлении говорящего уместить в одном высказывании несколько информативных пластов.

5. Функционирование вставных конструкций и субъектная организация текста

В прозе Вл. Маканина ВК выполняют роль важнейших стилеобразующих элементов. Употребление ВК, нарушающих синтагматический строй предложения, формирует семанико-синтаксическую двуплановость изложения. В художественном тексте ВК представляет собой механизм, позволяющий соединить в рамках единой субъектной сферы разные регистры или разные субъектные сферы на основании общности факта.

5.1. Вставные конструкции в контексте речи повествователя

ВК позволяет произвести смену позиции рассказчика на позицию всезнающего автора-повествователя:

(1) Залитое солнцем пространство напомнило Рубахину о счастливом детстве (которого не было).

Авторское повествование через посредство ВК как бы раздваивается,

переходя в иную плоскость. Субъектом речи в основном предложении является повествователь, а субъектом сознания и восприятия — персонаж Рубахин. Во вставке дана информация, противоречащая содержанию базового предложения. Так проявляет себя экзегетический повествователь, обладающий знаниями, которые остались за пределами данного повествовательного отрезка. Контаминация двух устойчивых выражений *счастливое детство* и *детство, которого не было* направлена на читательское восприятие и выявляет стремление автора, с одной стороны, «разрушить» заложенный в каждом из них образ, с другой — переосмыслить их совместно с читателем.

ВК демонстрируют смену повествовательных регистров в рамках одного предложения:

(2) *Необратимость случившегося (смерть — один из ясных случаев необратимости) торопит и против воли подгоняет: делает обоих солдат суетными.*

В данном примере происходит монтаж регистровых блоков. Глаголы в форме настоящего времени несовершенного вида *торопит, подгоняет, делает* выступают в имперфективной функции. Основное предложение можно рассматривать и как репродуктивный регистр (повествователь непосредственно наблюдает спешную работу солдат), и как информативный, поскольку говорящий называет мотив (эвфемистическое *необратимость случившегося* заменяет не только *смерть*, но и комплекс сопутствующий значений, например, *страх, безысходность*), заставляющий персонажей действовать определенным образом. Генеритивный регистр «подключается» во ВК, содержание которой абстрагировано от повествовательного хронотопа и представляет собой некую общепризнанную установку.

ВК разграничивает сферы персонажа и повествователя, комментирующего речь персонажа.

(3) *Он мчался уже метрах в шести от боевика. А первый (то есть бежавший первым) шел резвее его, уходил.*

Видение и восприятие действительности в данном примере

принадлежит персонажу, а речевое воплощение — повествователю. Пояснение деталей, данное повествователем в скобках, восстанавливает картину происходящего, позволяет адресату более полно представить изображаемый эпизод.

ВК, содержащие слова повествователя внутри прямой речи персонажа:

(4) *«Уже доложено. Уже договорено!» — продолжал Вовка вздохнув, мол, подполковник сейчас чай пьет у себя дома (что было правдой) — они вдвоем только что оттуда (тоже правда), и Гуров, мол, самолично написал для них записку. Да, записка там, на КП...*

Смену субъектов речи в авторском повествовании маркируют ксенопоказатели *мол.* Персонаж «оккупирует» речевое пространство повествователя, вынуждая того подбирать новые способы для собственного выражения — во вставках.

5.2. Вставные конструкции в контексте речи персонажа

Наблюдения показывают, что в рассказе «Кавказский пленный» использование ВК способствует тому, что персонаж предстает не только как объект изображения, но и как субъект повествования. Персонаж становится «соавтором описания действительности, повествования о ней и ее оценки»¹²³.

В третьеличном нарративе ВК используются для введения в объективное повествование точки зрения персонажа путем включения во ВК прямой речи:

(5) *Он оставил ему как бы навсегда свои носки — носи, не снимай, пойдешь в них дальше!.. — такая вот пробилась заботливость.*

Сопровождая пленного, Рубахин проникается к нему симпатией, Реплика персонажа (Рубахина) вклинивается во включающее предложение, разделяя его на две части. ВК содержит обращение Рубахина к пленному, к которому он успел проникнуться симпатией за время сопровождения. Контекст, окружающий ВК, в плане точки зрения затруднительно трактовать

¹²³ Степанов С. П. Субъективация повествования и способы организации текста (на материале повествовательной прозы Чехова): Автореф. дис. ... д. филол. н. СПб, 2002. С. 10.

однозначно. Субъектом сознания в нем может выступать товарищ Рубахина Вовка. Возможность отнесения основного высказывания к речевой сфере Вовки определяется как наличием маркера «модальной кажимости»¹²⁴ *как бы*, который маркирует неопределенность, неполное соответствие признака *навсегда* своему значению, так и экспрессивным финалом с оценочным предикатом, демонстрирующим неодобрительное отношение Вовки к сложившейся ситуации.

Возможными также представляется отнесение основного высказывания к речевой сфере главного героя, Рубахина. Эмоциональный подъем героя, смятение, вызванное нахлынувшими чувствами и мыслями, заставляет его своеобразным образом оправдываться не только перед Вовкой и пленным боевиком, но и перед самим собой. Отсюда и употребление неопределенного *как бы* с целью увеличить дистанцию между словом и денотатом, и самоирония над собственным проявлением заботы.

ВК представляет собой речь дополнительного рассказчика:

(6) Место опасное. Но как раз и защищенное тем, что там расходились (или сходились — это как смотреть!) две узкие тропки.

Границы авторского повествования и дополнительного повествования отчетливы благодаря скобкам. Повествователь, находясь с персонажами в актуальном для них хронотопе, видит только расхождение двух тропинок, в то время как голос из ВК полемизирует с «автором» включающего предложения, демонстрируя большую осведомленность (со стороны, откуда приближаются боевики, эти тропки сходятся).

ВК представляет собой несобственно-прямую речь персонажа:

(7) Так оказалось, что, задав вопрос, Рубахин остался сидеть с ним рядом (не каждую же минуту менять место у костра).

Голос персонажа приводит обоснование указанного действия.

В ВК представлен фрагмент внутренней речи персонажа.

(8) Обрел смерть. (Стреляли в упор — он, похоже, и глаза свои пьяные не успел

¹²⁴ Арутюнова Н. Д. Указ. раб. С. 847.

протереть. Впалые щеки. В части решили, что он в бегах.)

В соотнесении с основным предложением ВК функционирует в качестве средства выделения крупного плана на фоне общего. В данном примере внимание привлекает словосочетание *обрел смерть*. Для глагола *обретать/обрести* по данным БАС фразеологизированными являются сочетания данной лексемы с словами *покой, счастье, силы* и т.п. Книжно-риторический характер словосочетания маркирует речевую сферу повествователя, который наделяет слово *смерть* дополнительными, метафорическими коннотациями, трансформируя устоявшееся сочетание слов. Экспрессивная, но предельно общая, «протокольная» характеристика происходящего (*обрел смерть*) контрастирует с подробным, конкретным описанием обстоятельств случившегося глазами персонажа во ВК. Разговорное сочетание *протереть глаза*, ВвК *похоже* (также разговорное), инверсивное словорасположение *глаза свои пьяные* маркируют переход повествования в речевую сферу персонажа. Содержание ВК, включающей три самостоятельных предложения, дает возможность отмотать назад кадры повествования, восстановив упущенные основным текстом подробности.

Выводы

Рассмотрение структуры и модальной семантики ВвК в рассказе «Кавказский пленный» позволило выявить особую коммуникативную роль данного класса слов в формировании субъективной картины мира.

Структурный анализ ВвК показал преобладание срединного расположения данных компонентов структуре предложения над инициальным. Контактное расположение ВвК при предикате или второстепенном члене предложения актуализирует значимые для говорящего компоненты высказывания.

Низкая частотность употребления ВвК в препозиции, распространяющих свое значение на все предложение, свидетельствует о

стремлении говорящего минимизировать «пред-оценку» ситуации, уклониться от прямого «навязывания» своей точки зрения адресату.

Употребление ВвК в постпозиции не выявлено.

Семантическая классификация ВвК позволила установить, что группу с доминирующим для исследуемого материала составляют ВвК со значением эпистемической модальности. Значения уверенности и неуверенности представлены примерно в равном соотношении: 17 и 16 случаев употребления соответственно. Известно, что в норме говорящему не требуются дополнительные показатели уверенности в достоверности сообщаемого. В тексте рассказа, наоборот, актуальным становится именно выделение уверенности, благодаря чему создается впечатление, что структуры с «уверенностью» имеют скрытый полемический характер, указывая на внутреннюю диалогичность текста.

Структурный анализ ВК подтверждает существующие выводы о том, что в качестве вставной может быть употреблена любая языковая единица, обладающая коммуникативной значимостью¹²⁵. Отмечено авторское предпочтение в употреблении вставных конструкций, синтагматически связанных с основной частью высказывания.

Синтагматически связанные ВК выдают голос дополнительного рассказчика, более осведомленного, чем основной рассказчик, который, однако, не прерывает мысли основного повествователя и не берет на себя коммуникативную инициативу.

Синтагматически не связанные ВК, в свою очередь, указывают на точку зрения персонажа, «голос» которого диссонирует с основным высказыванием в стилистическом и эмоциональном плане.

Наблюдения над синтаксической структурой ВК выявляют разную степень глубины, детализации дополнительных сведений.

ВК выполняют важную роль в формировании субъектной перспективы текста. В многоголосом тексте, каким является рассказ «Кавказский пленный»,

¹²⁵ Полякова Ю. Г. Указ. раб.

ВК — в широком понимании уточнение, разъяснение предшествующей информации — начинает восприниматься, в целом, как сообщение субъекта, обладающего бóльшей компетенцией, глубже информированного об изображаемом мире, чем субъект, от лица которого идет основное повествование.

ГЛАВА 3. ВВОДНЫЕ И ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТАХ ПЕРЕВОДА

1. Основные положения теории художественного перевода

Для дальнейшего анализа способов передачи ВвК и ВК необходимо остановиться на самом понятии художественного перевода и на роли переводчика литературных произведений в передаче замысла автора оригинала.

По мнению Т. А. Казаковой, действующего переводчика и одного из ведущих представителей Санкт-Петербургской школы переводоведения, множественность переводов произведений одного и того же автора свидетельствует не только о популярности этого автора, «но и об интенсивности процессов освоения литературных форм, идей, образов и приемов в той или иной переводящей культуре», за счет чего можно говорить и о множественности образов автора, «живущих в переводческих воплощениях в иной культурной среде и порождающих иные смыслы и читательские реакции, отличные от тех, что присущи исходной культуре»¹²⁶.

Важно подчеркнуть, что понятия «художественный перевод» и «перевод художественной литературы» не равнозначны. Первый термин содержит в себе оценочный компонент и акцентирует высокие художественные качества самого перевода, тогда как второй термин обозначает любой перевод художественной литературы, независимо от его качеств. Художественный перевод предполагает творческое преобразование оригинала литературного первоисточника в соответствии с литературными нормами, изобразительными возможностями переводящего языка и с сохранением эмоционально-эстетической информации, присущей оригиналу¹²⁷.

Традиционно перевод рассматривается теоретиками с позиций *адекватности*, т.е. его соответствия функции, форме и содержанию

¹²⁶ Казакова Т. А. Художественный перевод: теория и практика. СПб., 2006. С. 22-23.

¹²⁷ Там же. С. 10-11.

оригинала, и *эквивалентности*, т.е. максимальной близости смыслов оригинала и перевода. При этом эквивалентность иногда понимается как частный случай адекватности¹²⁸.

Однако полное совпадение семантики отдельно взятых лексических единиц, признаваемых эквивалентными в разных языках, едва ли возможно. Отсюда можно вывести минимум два следствия: во-первых, что полная адекватность предложений/высказываний в двух разноязычных текстах — это, скорее, исключение из общего правила, а во-вторых, что перевод по своей сути вариативен. Гипертрофированная трактовка этого положения лежит, насколько можно судить, в основе пессимистического тезиса о недостижимости адекватности и, соответственно, о принципиальной непереводаемости текста.

Отечественная школа переводоведения исходит из противоположного тезиса — о принципиальной переводимости. При этом уточняется, что принципиальная переводимость существует там, где речь идет о межъязыковых и межкультурных контактах народов, стоящих примерно на одном уровне научно-технического развития: тогда перевод, по мнению Л. Л. Нелюбина, «полностью возможен»¹²⁹.

С тезисом о потенциальной вариативности перевода художественного текста согласуется мнение Т. А. Казаковой о том, что между художественным произведением и его переводом «переводчик устанавливает неустойчивое и, по всей видимости, относительное равновесие на основе своего личного языкового и культурного опыта, индивидуального видения мира и в меру своего творческого потенциала»¹³⁰. Именно «неустойчивость» и «относительность» равновесия между оригиналом и подлинником открывают

¹²⁸ Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М., , 2003. С. 14-15, 253-254.

¹²⁹ Там же. С. 167.

¹³⁰ Казакова Т. А. Указ. раб. С. 22.

возможности, во-первых, для переводческой автокоррекции¹³¹, а во-вторых, для появления новых переводов одного и того же оригинала.

При оценке художественного перевода исследователи учитывают также его полноценность, о которой впервые заговорил основоположник отечественной школы перевода А. В. Федоров¹³². Критерий полноценности требует воспроизведения особенностей художественной формы, т.е. эстетико-стилистических свойств подлинника, в той мере, в какой позволяет переводящий язык и принимающая лингвокультура. Под лингвокультурой понимается «воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых/речевых процессах культура, явленная нам в языке и через язык¹³³.

Научный анализ художественного перевода сопряжен, как указывает Т. А. Казакова, со следующими факторами: лингвистическими, информационными и психологическими¹³⁴.

Лингвистические факторы определяют характер и способ функционирования языковых знаков в системе языка и в системе текста.

Информационные факторы определяют соотношение различных видов информации в оригинальном и переводном текстах.

Психологические факторы определяют характер деятельности переводчика, в частности, его речемыслительные процессы, механизмы понимания, истолкования (интерпретации), оценки текста и его составляющих, принятия решений.

Если первая и вторая группы факторов ориентированы на текст, то третья группа факторов ориентирована на переводчика как посредника в

¹³¹ Петрова Е. С. Автокоррекция переводчика и принцип дистанцирования // Вторые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб., 2006. С. 83-89.

¹³² Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968. С. 151.

¹³³ Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 134.

¹³⁴ Казакова Т. А. Указ. раб. С. 25-27.

условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации. Именно благодаря переводчику художественного текста «перевод через внедрение новых форм и способов художественного выражения обогащает не только культуру <...>, но и переводящий язык, вводя в его систему новые свойства и функции языковых единиц. Этот процесс тем заметнее и продуктивнее, чем сложнее структура исходного текста и мощнее его информационная основа»¹³⁵.

Дискуссия о роли переводчика художественной литературы получила новый импульс после публикации исследования Лоренса Венути, посвященного, по образному выражению автора, «невидимости» переводчика¹³⁶. Л. Венути пишет о том, что перевод, выполненный в русле семантической эквивалентности, стремится к абсолютной естественности звучания (или выражения) и приводит к созданию прозрачного, т.е. легко воспринимаемого перевода, в котором переводчик, образно говоря, растворяется, становясь «невидимым». Представляется, что в подобных случаях говорить о «невидимости» переводчика правомерно лишь на материале одного, конкретно взятого перевода. При обращении ко множественным переводам одного произведения индивидуальные предпочтения в выборе средств выражения должны, судя по всему, сделать переводчиков «видимыми».

2. Совпадение, условное совпадение и расхождение вариантов перевода

В соответствии с темой данного исследования, при анализе и сопоставлении двух переводов рассказа Вл. Маканина на английский язык рассмотрению подлежит только передача ВвК и ВК. Анализ переводов в целом, удачные переводческие находки или, наоборот, искажения смысла за пределами вводных и вставных структур неизбежно останутся за кадром и составит предмет дальнейшего изучения.

При всех различиях грамматического строя английского (в данном

¹³⁵ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 19.

¹³⁶ Venuti L. The Translation's Invisibility: A History of Translation. Routledge, 2003.

случае переводящего) и русского (в данном случае переводного) языков в двух сопоставляемых языках нет формальных препятствий для сходной репрезентации ВвК и ВК. Тем более интересным представляется выяснить, какой эффект достигается переводчиками, прибегающими к модификациям поверхностной структуры ВвК и ВК, и как эти изменения влияют на полифонию маканинского текста.

2.1. Вводные конструкции

ВвК, как уже отмечалось, входят в грамматический инвентарь русского и английского языков. Предварительные наблюдения показывают, что оба переводчика бережно относятся к передаче авторских вводных элементов и их значений. Это проявляется прежде в том, что в большинстве случаев перевод этих элементов текста следует за оригиналом.

Перевод Байрона Линдси условно обозначается — П1, перевод Гитты Хаммарберг — П2.

(1) Он глянул на (1.П1) *He glanced at his* (1.П2) *He glanced at the*
пойманного: лицо удивило. *captive: the face startled him. captive: his face was*
Во-первых, молодостью<... *First by its youth*<...> *surprising. First, by its*
> *youth*<...>

(2) Пленного, **видно**, мучила (2.П1) *The prisoner **clearly*** (2.П2) *The prisoner, **clearly***
жажда *was terribly thirsty* *suffered from the heat*

(3) Автомат, **как всегда**, на (3.П1) *The automatic, **as*** (3.П2) *The automatic, **as***
коленях. *always, in his lap.* *always, on his knees.*

В ряде случаев наблюдается перемещение вводного элемента в позицию, отличную от занимаемой им в подлиннике. При том, что в английском языке порядок слов фиксирован, вводные элементы, не связанные грамматически с основным составом включающего предложения, достаточно подвижны. Благодаря своей высокой языковой компетенции переводчик может выстроить структуру предложения так, чтобы парентетический элемент появился там же, где и в оригинале, хотя естественным для

английского языка (и очевидным переводческим решением) была бы перестройка предложения.

2.1.1. Позиционные трансформации

При том, что в английском языке порядок слов в основном фиксирован, вводные слова и выражения обладают довольно значительной подвижностью. Отсюда следует, что переводчик может поместить ВК либо в интерпозицию, либо в постпозицию по отношению к основному составу предложения.

В примере (1) посредством ВвК *конечно* модальность уверенности распространяется на предикатно-объектный комплекс (*все понимал*):

(1) *Пленный не слишком хорошо говорил по-русски, Russian very well, but speak Russian too well, but, of course, конечно, все понимал.* (1.П1) *He didn't speak (1.П2) The prisoner didn't understood everything, of course, he understood everything.*

В переводе (1.П1) вводный элемент *of course* вынесен в постпозицию; модальность уверенности не сфокусирована на предикатном комплексе и приобретает несколько размытый характер, поскольку может трактоваться как относящаяся ко всей ситуации, описанной в основном составе предложения. В случае (1.П2) переводчик придерживается той же позиции вводного элемента, какую задает оригинал, и достигает сходного эффекта сфокусированной модальности. В отличие от предыдущего примера, в (2) наблюдаются иные соотношения оригинальной и переводных конструкций.

(2) *Она, понятно, обругала, так soldier off, scolding him for so chewed him out, reproached скоро бросившему ее у abruptly abandoning her at the soldier for abandoning her магазина.* (2.П1) *Naturally, she told the (2.П2) She, understandably, so soon by the store.*

В оригинале (2) ВвК находится непосредственно перед сказуемыми и акцентирует агрессивные вербальные действия персонажа. В переводе (2.П1) модальный элемент перемещен в препозицию; модальность размывается,

распространяясь на всю ситуацию. В переводе (2.П2) ВвК остается в той же позиции, какую задает оригинал.

Пример (3) показывает, что интерпозиция ВвК акцентирует образ действия, безжалостность персонажа:

(3) Рубахин завел ему руки, (3.П1) *Rubakhin led him off,* (3.П2) *Rubakhin turned his вывернув плечо, конечно, с twisting his arms painfully arm, twisting the shoulder so болью. behind his back. that it hurt of course.*

Первый переводчик опускает ВвК, оставляя эту позицию незамещенной, и тем самым отступая от авторской интенции, но полностью сохраняет предметную информацию. Необходимо отметить, что у первого переводчика отмечено 3 случая опущения ВвК, эквивалентного авторскому *конечно*. У второго переводчика ВвК сохранена, но вынесена в постпозицию; в результате модальность, как и в примере (1), размывается, распространяясь на всю ситуацию.

Противоположное соотношение переводческих решений обнаруживается в (4):

(4) Сели с краю — и тут же (4.П1) *They sat down at the (4.П2) They sat at the edge — из вещмешка Вовка извлек end, and right on the spot and right then and there ополовиненную бутылку Vovka extracted a half- Vovka took the half-full bottle портвейна; скрытым finished bottle of sweet wine of port wine out of his kitbag; движением он сунул ее под from his haversack; stealthily, and stealthily passed it under столом Рубахину, чтобы he shoved it under the table to the table to Rubakhin, so that тот, зажав бутылку, как Rubakhin so that he could, as he holding the bottle properly водится, меж колен, customary, grab it between between his knees, would незаметно для других ее his knees and drink it polish it off, unnoticed by the допил. unnoticed by the others. others.*

Здесь пропуск ВвК отмечен у второго переводчика, но в некоторой степени эта потеря компенсируется обстоятельством образа действия *properly*, т.е. позиция не остается незаполненной. У первого переводчика ВвК, как и у автора, помещена в интерпозицию.

Наблюдения над приведенными примерами позволяют говорить о явлении, которое, насколько удалось установить, еще не получило

подробного описания в лингвистической литературе. В тех случаях, где в переводе снижается степень уверенности, категоричности, можно говорить о своего рода переводческой аллокуции. Термин «аллокуция» используется в лингвистической прагматике либо в широком смысле, для указания на любые модификации коммуникативного намерения говорящего¹³⁷, либо в более узком смысле — для описания так называемого «коммуникативного смягчения»¹³⁸. Под переводческой аллокуцией в данной работе понимается любое изменение авторской модальности при переводе. Практически, однако, выявленные примеры перевода на английский язык демонстрируют именно смягчение категоричности высказываний за счет пропуска или перемещения вводных единиц.

Интересен случай, где оба переводчика опускают ВвК, но прибегают к компенсации в виде добавления в предикат модального глагола:

(5) Пленный молчал. Вовка (5.П1) *The prisoner was* (5.П2) *The prisoner was*
заволновался, что тот, silent. Vovka worried that he silent. Vovka got worried that
пожалуй, двинет сейчас might push the plate away he might now shove the plate
локтем тарелку и столь with his elbow and spill onto with his elbow and the extra
трудно выпрошенная the floor the extra meat and portion of kasha and meat that
повара лишняя каша с мясом kasha obtained from the cook he had procured from the cook
будет на полу. with such difficulty. with great trouble, would end
up on the floor.

Такая компенсация вполне адекватна авторскому намерению и звучит естественно для английского языка, поскольку предикаты изъяснительных придаточных после глаголов страха и беспокойства обычно включают модальный глагол *might*.

Наконец, интересно отметить, что у автора в оригинале случаи постпозиции ВвК отсутствуют полностью, но переводчики пренебрегают этой закономерностью, помещая вводный компонент (П1 — 1 раз, П2 — 2

¹³⁷ Поспелова А. Г. Речевые приоритеты в английском диалоге. Автореф. дис. ... д. филол. н. СПб., 2001.

¹³⁸ Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения. Автореф. дис. ... д. филол. н. Волгоград, 2001.

раза) в постпозицию. Поскольку грамматический строй английского языка такой перестановки не требует, это сознательное решение переводчиков.

2.1.2. Семантические трансформации

В главе 2 исследуемый материал оригинала был расклассифицирован в соответствии с типами модальности. В данном параграфе рассматриваются подходы переводчиков к передаче модальных значений. Анализу подвергаются те случаи, где наблюдаются принципиальные расхождения в способах перевода.

Значение категорической достоверности в примере (6):

(6) Жизнь сама собой (6.П1) Life itself shifted over (6.П2) Life itself was
переменилась в сторону to war (and what a dumb war changing towards war (and
войны (и какой дурной войны — neither war nor peace!), what a nasty war — neither
— ни войны, ни мира!) — и and Gurov **naturally** went to war nor peace!) — and Gurov,
Гуров, **разумеется**, воевал. war. **it goes without saying**, was
fighting.

В переводах значение высокой степени уверенности передаются различными способами. В (6.П1) использовано модальное наречие *naturally*, которое не обособлено и за счет этого прочнее связывается в сознании адресата с основным составом предложения. В (6.П2) использована модальная фразеологическая единица, которая звучит более экспрессивно. Оба эти элемента помещены в ту же позицию, где находится исходная ВвК.

(7) Он чувствует, **конечно**, (7.П1) He senses that he, (7.П2) And moreover, he **no**
что он симпатичен ему, Rubakhin, sympathizes with **doubt** senses that he is
Рубахину... him... attractive to him, Rubakhin...

Здесь наблюдаются противоположные подходы к передаче модальности: если в (7.П1) ВвК опущен и не компенсирован, то в (7.П2) модальность уверенности *no doubt* дополнительно усилена наречием *moreover*.

Пример (8) иллюстрирует модальное значение проблематической достоверности. В переводе (8.П1) модальность изменена на категорическую (*no doubt*), тогда как в (8.П2) сохранена (*apparently*). Можно предположить, что такое расхождение отражает разницу в картине мира. Первый переводчик представил связь между двумя явлениями мира художественного произведения как безусловную и самоочевидную: если в засушливой местности песок влажный, значит, он точно принесен с речного берега. Второй переводчик, вслед за автором, в большей степени ориентируется на неопределенность, изменчивость и непредсказуемость описываемой ситуации, связанной с военными действиями, в целом.

(8) Солдаты развозят песок на тачках. Разбрасывают его, сеют лопатами по дорожкам. Жара. А песок сырой, брали, **видно**, у речки. (8.П1) *The soldiers move the sand in wheelbarrows. They spread it around, place it on the paths with spades. The day's hot. But the sand, taken **no doubt** from the creek, is moist.* (8.П2) *The soldiers move sand around on a wheelbarrow. They spread it around, place it on the paths with spades. Heat. And the dry sand was **apparently** dug up by the river.*

В случае (9) переводчики будто меняются ролями в своем подходе к интерпретации авторской модальности:

(9) Он бы, **пожалуй**, попал и без оптического прицела. (9.П1) *Maybe he could hit the target even without the optical sight.* (9.П2) *Of course, he would have hit them even without the optical sight.*

Нетрудно заметить, что в (9.П1) авторский тип модальности — проблемная достоверность — сохранен, тогда как в (9.П2) изменен на категорическую. Во втором варианте перевода более акцентирован голос самого персонажа, который, будучи снайпером, уверен в своей меткости. Иными словами, за счет различий в передаче модальности как первый, так и второй переводчик вносит в текст перевода свое видение мира повествования.

Логическая модальность, как показано в главе 2, связана с ранжированием информации: оценкой фактов как главных, приоритетных, заслуживающих особого внимания. Например:

<p>(10) Горы. Горы. Горы. Который год бередит ему сердце их величавость, немая торжественность — но что, собственно, красота их хотела ему сказать? зачем окликала?</p>	<p>(10.П1) Mountains. Mountains. Mountains. How long now have their majesty, their mute solemnity chafed his heart — but what actually did their beauty want to say to him? Why did it call?</p>	<p>(10.П2) Mountains. Mountains. For years now his heart had quickened by their magnificence, their silent solemnity — but what was it, properly speaking, that this beauty wanted to tell him? Why was it beckoning him?</p>
--	---	--

Логическая модальность коррелирует с логическими рассуждениями персонажа об отвлеченных материях: для него на первый план выступает непонятная сущность «послания» красоты. За счет акцентирования вопросительного местоимения *что* заданный вопрос превращается в принципиально важный.

В переводе (10.П1) эквивалентом ВвК выступает наречие *actually*, которое не обособляется и за счет этого более прочно связывается с основным составом предложения. Это наречие, согласно словарю Collins Cobuild, передает целую гамму логических, коммуникативных и модальных значений: маркирует противоречие вышесказанному, выражает соответствие действительности, позволяет говорящему выразить мнение, какого от него не ожидали. В переводе (10.П2) эквивалентом авторского *собственно* выступает устойчивое метакоммуникативное выражение *properly speaking*, ориентированное прежде всего на оценку самой формулировки. В первом случае переводчиком акцентирован именно логический, философский, не вполне ясный персонажу аспект высказывания, а во втором — более конкретный вопрос вербального выражения. Логическая модальность представлена в рассказе Вл. Маканина единичными примерами. На этом фоне пример (10) приобретает особую значимость — он входит в заключительную реплику рассказа. Сама структура этого риторического вопроса и следующего за ним показывает, что

события последнего (сюжетного) времени не прошли для персонажа бесследно. Создается впечатление, что в его характере наметились существенные изменения, в первую очередь — выход за пределы сугубо физических потребностей и переход к потребностям мыслительным, к рефлексии, к абстрактному мышлению.

2.2. Вставные конструкции

Как и в случае ВвК, в целом, при переводе ВК оба переводчика стремятся к точности передачи авторского смысла, коммуникативной интенции и системы «многоголосия». Этим отчасти объясняется наличие ВК (преимущественно небольшого объема), полностью соответствующих оригиналу и совпадающих в обоих переводах:

- (1) *Есть новость (и какая новость!)* (1.П1) *He's got some news (and what news!).* (1.П2) *There's news (and what news!).*
(2) *Рубахин отобрал у Вовки транзистор (ночью ни звука).* (2.П1) *Rubakhin took Vovka's transistor away from him (not a sound at night).* (2.П2) *Rubakhin took the transistor from Vovka (not a sound at night).*

Обнаруживаются также примеры с незначительными лексическими или лексико-грамматическими расхождениями в переводах; так, в примере (3) варьируется использование предлогов:

- (3) *Этого не может быть! — пронеслось в сознании солдата, когда там, наверху, он расслышал надвигающуюся опасность (и справа, и слева).* (3.П1) *This can't be! flashed through the soldier's mind when he heard up above the sound of something dangerous moving (both on the right and the left).* (3.П2) *This can't be!--went through the soldier's subconscious when there, right above, he heard danger moving (both to the right and to the left).*

Отмечая такие случаи, следует отдавать себе отчет в том, что к «незначительности» переводческих преобразований необходимо подходить избирательно, поскольку, например, «незначительное» на первый взгляд добавление способно актуализировать в переводном тексте ряд дополнительных смыслов. Например:

(4) Сделав Рубахину знак: (4.П1) Signaling to Rubakhin (4.П2) Making a sign to мол, попытаюсь добыть as if to say, "I'll try to get Rubakhin — I'll try to get us выпивки (*раз уж здесь some booze (now were stuck drinks, he says, (since we're застряли), стрелок here*)," the rifleman moves **stuck here anyway**), the отходит шаг за шагом к step by step out to the wattle marksman takes a few steps to плетеному забору. fence. the wattle fence.

Использование в переводе (4.П2) сентенциального наречия¹³⁹ *anyway* может показаться «незначительным» вследствие размытости его семантики. Однако функциональная нагруженность данного наречия позволяет переводчику более точно отразить авторскую интенцию. Если подчинительные союзы *now* (4.П1) и *since* (4.П2) выражают только причину, то в целом перевод (4.П2) дополнительно актуализирует модальные, стилистические и коммуникативно-прагматические значения. К ним относятся, по данным словаря Collins Cobuild, во-первых, отсутствие выбора и проистекающую отсюда вынужденность действий персонажа, а также обусловленное ею философско-безразличное отношение к происходящему, что вполне коррелирует с русским *раз уж*; во-вторых, требуемое спонтанно-разговорное звучание: корпусные данные словаря Collins Cobuild показывают, что в большинстве случаев *anyway* отмечается либо в прямой речи персонажей, либо в устной речи; в-третьих, ограничение содержания высказывания тем, что, с точки зрения персонажа, истинно, объективно, вне зависимости от других приведенных соображений.

Далее внимание будет сосредоточено на тех случаях, где отмечаются формальные грамматические расхождения в способах перевода ВК на английский язык, связанные с отражением полифонии оригинала.

2.2.1. Несовпадение временного плана

В первую очередь стоит обратиться к такому очевидному различию, как

¹³⁹ Под сентенциальным, или сентенциональным, наречием здесь, вслед за Е. Л. Рудницкой, которая опирается на концепцию Н. Ю. Шведовой о детерминантах и исследования ученых-англистов, понимается наречие, которое синтаксически выступает как вводное слово, относящееся ко всему предложению, а в семантическом плане представляет собой предикат с сентенциональным актантом. См. Рудницкая Е. Л. Сентенциональные наречия в русском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1993

несовпадение временных планов переводных ВК. Например:

(5) – *Вовк. Дай курнуть! (И (5.П1) "Vovk'. Gimme a (5.П2) Vovk. Gimme a smoke! что за удовольствие smoke!" (And what kind of (And what sort of pleasure ловить на мушку?) pleasure is it to catch one of was there in hitting the them through the target?) crosshairs?)*

Внутренняя речь главного героя, Рубахина, в переводе (5.П1) строится с использованием формы настоящего времени и приобретает вид прямой речи, непосредственного внутреннего монолога, который не несет на себе следов авторского посредничества. За счет этого в переводном тексте I образуется своеобразный «грамматический разрыв» между включающим контекстом и ВК. В переводе (5.П2) рефлексия персонажа по поводу сложившейся ситуации оформлена как несобственно-прямая речь, т.е. полностью соответствует грамматическим, стилистическим и прагматическим нормам английского языка. «Грамматического разрыва» здесь нет. Но при этом переводчик привносит во ВК черты авторского посредничества, что лишает внутреннюю реплику той спонтанности голоса очевидца событий, которая явствует в подлиннике. Грамматически несобственно-прямая речь в английском языке оформляется так же, как и косвенная, т.е. при помощи транспозиции местоимений, согласования времен (например, настоящее время трансформируется в прошедшее: *is* меняется на *was*), и широко используется в художественной литературе. В отношении английского языка, где грамматическое оформление двух художественных приемов — внутреннего монолога и несобственно-прямой речи — отличается¹⁴⁰, считается нецелесообразным объединять прямой внутренний монолог и несобственно-прямую речь в один прием.

Отказ одного из переводчиков от использования настоящего времени, отмеченного в оригинале, наблюдается в переводе примера (6):

(6) *Вовка водрузил на кучу 6.П1) Vovka propped up the (6.П2) Vovka hoisted the dead нескла транзистор вбитого slain rifleman's transistor in lance-cornoral's transistor on*

¹⁴⁰ Об этом см.: Сладкомедова Ю. Ю. Несобственно-прямая речь как стилистический прием в произведениях Виктории Токаревой // Теория СМИ. 2004. № 1. [Электронный ресурс]: URL http://elibrary.ru/download/elibrary_11735906_58655373.pdf (дата обращения 15.04.2017).

В авторском тексте последнее предложение ВК (*Алибеков, судя по доносящимся тягучим его словам, выторговывает оружие — дело важное*) целиком отнесено к плану настоящего. Характерно, что в данном случае от авторской интенции отступают оба переводчика, но в разной мере.

В переводе (6.П1) все предложение *Judging from the slow words drifting over, Alibekov was striking a bargain for weapons — an important matter* отнесено к прошлому, что нивелирует голос персонажа, стрелка Вовки, делая его неотличимым от голоса повествователя, который в равной степени мог и не мог быть непосредственным участником данного эпизода.

Однако при этом перевод (6.П2), с частичным сохранением временной отнесенности последнего предложения, трудно признать полностью удовлетворительным, так как в нем необоснованно нарушено единство временного плана: получается, что слова Алибекова предшествуют (*his words that wafted by*) его же речевому действию торга, тогда как из этих слов как раз и складывается указанное речевое действие (*is haggling*), чего не мог не заметить любой участник эпизода. Впрочем, в плане полифонии перевод (6.П2) все же стоит ближе к авторскому замыслу, чем (6.П1), поскольку хотя бы частично передает голос персонажа.

Аналогичная трансформация, но с использованием будущего времени, наблюдается в примере (7):

(7) Грузовики стояли. (7.П1) *The trucks sat there.* (7.П2) *The trucks were standing.* (Рубахина это мало *(This didn't bother Rubakhin* *standing. (This didn't волновало. Когда-нибудь да much. At some point, sure, particularly worry Rubakhin. ведь дадут им дорогу. the road will be opened for Sometime, after all, they'd let them.) him pass).*

В переводе (7.П1) внутренняя речь главного героя строится с использованием простого будущего времени и приобретает вид прямой речи, без следов авторского вмешательства. Образуется тот же «грамматический разрыв» между основным предложением и ВК.

В переводе (7.П2) внутренняя речь персонажа грамматически строится

с использованием Future-in-the-Past: *they'd (=would) let...*, что соответствует нормам английского языка и звучит, особенно в стяженной форме, вполне естественно для неофициального общения.

Попутно стоит отметить, что перевод (7.П2) усиливает эгоцентричность оригинальной ВК за счет замены авторского *им* на *him*.

Как и в случаях (5.П2) и (6.П1), несобственно-прямая речь приобретает здесь черты авторского посредничества, что лишает внутреннюю реплику той непосредственности голоса, которая присуща подлиннику.

Нетрудно заметить, что оба переводчика добавляют в состав ВК вводные элементы *sure* (7.П1) и *after all* (7.П2). Этим компенсируется модальное значение уверенности, передаваемое коммуникативной частицей «да ведь», не имеющей точного эквивалента в английском языке, и дополнительно акцентируется голос персонажа — Рубахина.

На основании этих наблюдений можно заключить, что каждый из приведенных способов перевода имеет свою специфику в плане отражения полифонии в ВК. В переводах (5.П1) и (7.П1) голос персонажа сохранен в неприкосновенности, но несколько нарушена естественность звучания. В переводах (5.П2) и (7.П2) естественность звучания сохранена, но при этом возникает многоголосие, не соответствующее данному фрагменту подлинника, хотя и свойственное произведению в целом.

Временной сдвиг в следующем примере носит несколько иной характер, чем в случаях (6) и (7):

(8) *Нагнав, он не стал ни хватать, ни валить (пока с ним, упавшим, разберешься, первый наверняка уйдет).* (8.П1) *When he caught up with the second one, he didn't bother to grab the him, neither grabbed nor tackled guerilla nor to bring him down, when he's brought with the fallen one, the first one will escape for sure).* (8.П2) *When he caught up, he didn't bother to grab the him (while you're dealing down with him, when he's brought with the fallen one, the first one will one would surely escape).*

Здесь, как и в примерах (6) и (7), автор перевода (8.П1) сохраняет грамматические формы настоящего и простого будущего и тем самым создает

эффект непосредственной речи — голос персонажа, тогда как автор перевода (8.П2) прибегает к приему несобственно-прямой речи и тем самым добавляет опосредующий голос повествователя. Но «грамматический разрыв» в данном случае отчасти нейтрализуется объемом ВК, а также ее логико-смысловым содержанием. В ней приводится развернутое общее суждение, подсказанное не столько ситуацией, сколько житейским опытом персонажа-бойца, его фондом практических знаний.

Сравнивая примеры (7), с одной стороны, и (5) и (8), с другой, можно отметить еще один существенный момент. В примере (7) рефлексия персонажа, выраженная в ВК, тяготеет к монологичности: внутренняя реплика не предполагает присутствия другого лица, а адресована персонажем самому себе и способствует психологическому самоконтролю персонажа. В свою очередь, ВК в (5) и (8) тяготеют к диалогичности: они направлены непосредственно на лицо, присутствующее в описанной коммуникативной ситуации, и имплицитно упрек (5) или совет (8), которые говорящий не высказывает вслух. Таким образом, в случаях (5) и (8) видится присутствие потенциального адресата.

Значительный интерес представляет пример (9), где временные сдвиги, пожалуй, в наибольшей степени отражают различия в подходах переводчиков к отражению полифонии.

(9) Обрел смерть. (9.П1) He'd met his death. (9.П2) Death found him. (Стреляли в упор — он, (Shot point blank. He hadn't (They shot him point-blank похоже, и глаза свои even managed to wipe his — it seems he didn't even пьяные не успел drunken eyes, it seemed. have time to wipe his протереть. Впалые щеки. Cheeks all hollow. In the unit drunken eyes. His cheeks are В части решили, что он в they had decided that he had sallow. At the station they decided that he had been бегах.) deserted.) trying to escape).

В обоих случаях точкой отсчета выбрано одно из событий прошлого: обнаружение погибшего ефрейтора. Однако в переводе (9.П1) в качестве исходной формы употреблено простое прошедшее время (*it seemed*), отсюда — использование предпрошедшего времени Past Perfect для указания на

предшествовавшие события: *hadn't managed, had decided, had deserted*. Два эллиптических предложения (*Shot point blank; Cheeks all hollow*) не содержат эксплицитных грамматических показателей времени, но в окружающем контексте прошедшего воспринимаются как относящиеся к прошлому.

В переводе (9.П2) в качестве исходной формы выбрано историческое настоящее (*it seems; are sallow*). События, непосредственно предшествовавшие этой ситуации, обозначаются, соответственно, формой простого прошедшего (*they shot him; he didn't have time; they decided*), а предпрошедшее появляется в косвенной речи, по согласованию времен. Нетрудно заметить, что в (9.П1) более отчетливо звучит голос непосредственного участника событий. Кроме того, этот вариант более выразителен стилистически: в нем ощущается спонтанность речи и волнение говорящего.

Такой эффект «неплавности речи», вполне соответствующий оригиналу, достигается во многом благодаря чередованию имплицитных и эксплицитных показателей времени, за счет чередования эллиптических и полных предложений, а также за счет сохранения единицы *it seemed* как вводной, добавленной будто бы с опозданием. В противоположность этому, перевод (9.П2) демонстрирует все признаки запланированной, обработанной речи: в нем использованы только полные предложения, а единица *it seems* преобразована в одно из предложений в составе сложного. Это не в полной мере соответствует оригиналу: здесь преобладает голос внесюжетного повествователя, а не очевидца и, более того, создается впечатление, что события данного эпизода описываются повторно.

2.2.2. Смена субъекта сознания и повествования

Наблюдение над корпусом собранного материала показывает, что при переводе соотношение ВК и включающего контекста претерпевает различные изменения, связанные с перераспределением структур и смыслов. Например:

(10) Гуров сонно смотрит на них обоих, таких пропыленных (пришедших к нему незвано и — что тоже не в пользу — совсем незнакомых ему своими лицами); на миг Гуров молодеет; резко повысив голос, он выкрикивает, никакой подмоги кому бы то ни было, какая, к чертям, подмога! — ему даже смешно слушать, чтобы он направил куда-то своих солдат выручать грузовики, которые по собственной дурасти влипли в ущелье!..

(10.П1) Gurov gazes sleepily at the two of them, covered with dust (**they had come to him without being called, and he didn't know their faces at all, which also was not in their favor**); suddenly Gurov becomes more animated; raising his voice sharply, he barks out that no matter who it is there'll be no assistance given: the very idea of helping those devils! It's laughable for him to hear that he's being asked to send his men somewhere to rescue trucks which by their own stupidity got stuck in a gorge out of the drivers' own stupidity.

(10.П2) Gurov looks at the two of them drowsily; they're so dusty (**they've come to him unannounced and it also doesn't help that their faces are entirely unfamiliar to him**); in a flash Gurov comes to; he raises his voice sharply, shouts, there's no help to be had at all, what sort of help, devil take it! — it is even amusing for him to hear that he'd ordered his soldiers somewhere to rescue some trucks which by their own stupidity got stuck in a gorge!

В оригинале (10) отмечен синтаксический комплекс «вставная конструкция во вставной конструкции». ВК первого уровня отражает голос персонажа, Гурова. ВК второго уровня отражает голос субъекта, логически оценивающего и в какой-то мере предвосхищающего дальнейшие события. Характерно, что оба переводчика отказываются от употребления ВК второго уровня. В переводе (10.П1) ВК заменена местоименно-соотносительным придаточным и носит комментирующий характер, передавая голос оценивающего субъекта, Гурова. В переводе (10.П2) ВК второго уровня преобразована в одну из частей сложного предложения с сочинением и подчинением; при этом голос повествователя нейтрализуется, вытесняется голосом самого Гурова.

В следующем примере (11) отмечены две дистантно расположенные ВК:

(11) *Красота места (11.П1) The beauty of the place was striking, and Rubakhin — in his memory — Rubakhin does not let the slope (stores it, himself), the place where Boyarkov fell asleep, that knoll, the grass, the golden branches of the brush, and all foliage of the bushes, and with combining to make one more them one more experience of experience in survival, which survival, irreplaceable. is totally irreplaceable.*

Перевод (11.П1) сохраняет авторский строй предложения и систему полифонии, в которой присутствуют голос повествователя (включающее предложение) и голос автора — содержание ВК непосредственным образом связано с основными сюжетно- и смыслообразующими мотивами (красоты и памяти), неоднократно повторяющимися в тексте рассказа («красота заставляет помнить»; «она окликнет человека в его памяти»; «она напомнит»).

Перевод (11.П2) инкорпорирует первую ВК в авторское повествование в качестве обстоятельства места и тем самым нивелирует как присутствие другого субъекта речи, так и смысловую нагрузку предложения в целом.

Сходная картина наблюдается в примере (12):

(12) *Раньше (в былые-то дни) при интендантских сбоях или просто при задержках с солдатским харчем Гуров тотчас надевал парадный мундир (12.П1) Earlier (in those old days), during quartermaster failures or simply delays with the soldiers' food supplies, Gurov would immediately put on his dress coat <...>* (12.П2) *In the old days as part of his quartermaster's battles or simply when there were delays with the soldiers' grub Gurov would immediately don his parade uniform.*

В подлиннике ВК с особой отчетливостью передает голос и даже интонацию рефлексирующего по событиям прошлого персонажа, полковника Гурова, благодаря использованию разговорной усилительной частицы *-то*. В (12.П1) переводчик стремится сохранить голос

дополнительного рассказчика, однако слабopартиклевость¹⁴¹ английского языка не позволяет передать заложенную в подлиннике интонацию в полной мере. Эту потерю отчасти компенсирует указательное местоимение *those*. В свою очередь, второй переводчик инкорпорирует ВК в основной состав предложения в качестве обстоятельства времени. При этом в переводе (12.П2) утрачивается эффект многоголосия.

Совершенно иное явление наблюдается в примере (13):

(13) *Возможно, в этом (13.П1) In this sense it's (13.П2) It is possible that in смысле красота и спасает possible that beauty will in this sense beauty saves the мир. Она нет-нет и fact save the world. It turns up world. You don't see it at all появляется как знак. He from time to time, like a sign. and suddenly it appears as a давая человеку сойти с Not letting a person wander sign. Preventing man from пути. (Шагая от него off the path. (Stepping along straying from his path. не подалеку. С nearby. Keeping a lookout.) (Moving not far from him. присмотром.) Заставляя By making you alert, beauty Looking out for him. Making him насторожиться, красота makes you remember. him look out, beauty makes заставляя помнить. him remember).*

Обобщенное рассуждение философского толка эксплицирует как будто голос самого автора. В оригинале использована цепочка парцеллированных структур — деепричастных оборотов. Первый и последний принадлежат к авторскому повествованию. Второй, вместе с парцеллированным обстоятельством *с присмотром*, образует ВК. Во вставке реализуется стилистический прием — олицетворение. Таким способом не только актуализируется отдельный компонент высказывания, но и с самого начала повествования создается центральный образ сопровождения пленного, только в данном случае пленяет *красота*, которая *с присмотром шагает неподалеку от человека*.

В обоих переводах ВК произведена замена парцеллята *с присмотром*, связанного с базовой структурой подчинительной связью, на однородные с предшествующим контекстом обороты с использованием безличной формы

¹⁴¹ Существует разделение языков на «партиклевые» и «слабopартиклевые» (от англ. particle — частица). Русский язык относится к числу партиклевых языков, поскольку он обладает развитой системой частиц. Английский язык, наоборот, относится к слабopартиклевым языкам — в нем отсутствует тенденции к выделению частиц как отдельный пласт лексики. См.: Минченков А. Г. Английские частицы. Функции и перевод. СПб., 2004.

глагола — герундия (*keeping a lookout, looking out for him*). Структурная трансформация, однако, производится без ущерба смысла.

Любопытно, что у первого переводчика голос повествователя отмечен соблюдением норм поликорректности: он избегает имеющихся во втором переводе гендерно маркированных единиц *man, him*, отдавая предпочтение гендерно нейтральным *a person, you*.

В свою очередь, перевод (13.П2) синтаксически расширяет ВК, инкорпорируя в нее всю финальную часть сверхфразового единства. Перенос ВК из центральной части сверхфразового единства в заключительную приводит к тому, что таким образом утрачивается эффект перебива, мены коммуникативных ролей, а речь повествователя (расчлененная, но за счет параллельной организации относительно «плавная»), состоящая из триады деепричастных оборотов, лишает данный фрагмент спонтанности и производит впечатление запланированной, обработанной речи.

Более многоплановое явление наблюдается в примере (14):

(14) Бывало, и сам рулил на базу, и взятку давал, а иногда еще и умасливал кого
(14.П1) Occasionally he gave the bribe, sometimes
(14.П2) Occasionally he base, give bribes, and
нужно красивым именным even sweetening it by sometimes he'd even greased
пистолетом (мол, presenting to the necessary the palm of whoever it was he
пригодится: Восток — person a beautiful pistol with needed with the beautiful
это Восток!.. Он и думать his name engraved on it. engraved (with his name)
не думал, что когда-нибудь ("May come in handy: East pistol (for it was entirely
эти игривые слова is East!" He never at all proper: the East — this is the
сбудутся). thought that these words, said East!.. And he didn't give a
in jest, would come to be second thought to the fact
true.) that these words would some
day come true).

В примере (14) ВК представляет собой двухчастную структуру. Ксенопоказатель *мол* маркирует переход в другую речевую сферу. Частица *мол*, по замечанию А. Н. Баранова, указывает на то, что говорящий склонен разделять ответственность за смысл пересказываемой им цитаты¹⁴². Нетрудно

¹⁴² Баранов А. Н. Заметки о *дескать* и *мол*. // Вопросы языкознания. 1994. №. 4. С. 116.

заметить, что события во включающем предложении описаны сквозь призму самого персонажа (разговорная лексика *рулил, умасливал*, частица *бывало*, употребленная как вводное слово). В связи с этим можно говорить о том, что, несмотря на формальный показатель чужой речи, по существу мены голосов не происходит. По мнению Е. В. Падучевой, частица *мол* нередко употребляется в контекстах, где автор цитаты цитирует самого себя¹⁴³. Многозначительность смысла высказывания подчеркнута отточием. Продолжает ВК другой голос, который выступает в роли посредника, пересказывая чужую речь и попутно дает ей оценку (*игривые слова*).

В переводе (14.П1) наблюдается в высшей степени специфичная переводческая трансформация: преобразование пересказанной речи в прямую, т.е. своеобразное восстановление прямой речи. Стоит отметить, что фраза *East is East*, вероятно, вызывает у англоязычного читателя прямую аллюзию с широко известной «Балладой о Востоке и Западе» Р. Киплинга: «*Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet...*», которую вряд ли имел в виду означенный персонаж, поэтому такое привнесение аллюзивного смысла неоправданно. Речевые сферы героя и повествователя разграничены.

В (14.П2) переводчик осложняет синтаксическую структуру дополнительной ВК (*with his name*). За счет этого для англоязычного читателя уточняется смысловое содержание понятия *engraved pistol* (т.е. не с любой гравировкой, а с именем владельца: ‘именной пистолет’). Иными словами, прагматика этого добавления направлена не на кого-либо из персонажей или повествователей, а вовне текста — на адресата переводного текста.

В то же время ВК, соответствующая оригинальной, разительно отличается от (14.П1). Звучащий в ней голос более всего походит на голос повествователя, комментирующий сказанное им самим. Но, как в случаях (5) и (8), здесь видится присутствие потенциального адресата. Повествователь

¹⁴³ Падучева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать*. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 7. С. 16.

будто бы полемизирует с ним, отстаивая свою точку зрения. Такое предположение можно сделать на основании того, что союз *for* вводит субъективное, личное мнение о причине событий или положения дел.

Наконец, в единственном случае у одного из переводчиков наблюдается явление, которое на первый взгляд может показаться переводческой вольностью:

(15) *Отдельно несли оружие, и кто-то вслух вел счет: семнадцать “калашниковых”, семь пистолетов, десяток гранат.* (15.III) *The weapons were carried separately. (Gurov will give the confiscated arms back to the guerrillas in exchange for food. A listless, nonstop war.) One of the soldiers took count aloud: seventeen Kalashnikovs, seven pistols, ten hand grenades.*

В первом переводе добавлена объемная вставка, состоящая из двух предложений. В ней использован отмеченный в данном исследовании прием «грамматического разрыва» — будущее время в контексте включающего прошедшего. Информационно эта вставка призвана напомнить англоязычному читателю о весьма специфической ситуации, когда отвоеванное оружие используется не для боевых действий, а для возврата тем же боевикам в обмен на продовольствие. Стилистически эта вставка не выглядит чужеродной: выполняя культурологическую функцию, она вместе с тем соответствует авторскому стилю, а само описание ситуации почти дословно повторяет то, что сказано у автора в других эпизодах. Эффект многоголосия (дополнительный голос повествователя-очевидца) здесь создается за счет оценочного номинативного предложения (*A listless, nonstop war*; т.е. *вялая, бесконечная война*).

Выводы

Текст рассказа Вл. Маканина, до предела насыщенный ВК, приобретает дополнительный, параллельный план повествования и особый тип полифонии, при которой актуализируется дополнительный голос — голос рассказчика-очевидца, который лучше информирован о характерах

персонажей и событиях. Он внимательный и активный слушатель, не упускающий никаких подробностей и пользующийся любой возможностью перебить основного повествователя, чтобы уточнить ход событий, высказать собственные предположения, сделать емкие, подчас ироничные добавления.

Хотя в плане синтаксиса и морфологии переводной (в данном случае русский) язык богаче и сложнее, нежели переводящий (английский, причем в англистике вводные и вставные конструкции по преимуществу описываются недифференцированно), профессиональным переводчикам удастся успешно выстраивать структуру парентетических внесений таким образом, чтобы она максимально соответствовала оригинальной, однако в ряде случаев они этого не делают, отдавая предпочтение «неусложненным» конструкциям.

При рассмотрении вводных единиц в аспекте перевода было установлено, что их включение в переводной текст соответствует модальности, заданной автором произведения. Вместе с тем обращают на себя внимание следующие отступления от авторского замысла.

У одного из переводчиков, а именно у Б. Линдси, три раза пропущена вводная единица *конечно*. По-видимому, переводчик руководствовался тем, что формы изъявительного наклонения и включающие их высказывания сами по себе выражают уверенность в фактическом состоянии дел. Однако пропуск единиц, выражающих категорическую достоверность, снижает категоричность высказываний, а главное — лишает фрагменты текста авторской полифонии.

При общем преобладании адекватных оригиналу примеров перевода ВК были отмечены и случаи отклонений переводов от оригинала и расхождений отдельных вариантов перевода. Эти отклонения связаны с внутренней реорганизацией элементов ВК, с подвижностью вводных единиц в языке перевода, с перераспределением границ между включающим контекстом и вставной единицей.

Переводческие стили первого и второго переводчиков различаются в незначительной степени. Исследованный материал доказывает, что первый

переводчик, Б. Линдси, более склонен следовать за автором и уподоблять синтаксическое оформление своего перевода синтаксису оригинала, сохраняя «неплавность» речи. Второй переводчик, Г. Хаммарберг, в свою очередь, более склонен к отходу от грамматического оформления фрагментов текста Вл. Маканиным, предпочитая «классическое» звучание прозы и сохранение «плавности» речи. Вследствие этого, полисубъектность текста более ярко представлена в первом переводе.

Таким образом, в исследовании отмечено два своеобразных полюса переводческих решений: с одной стороны, отказ от ВвК и ВК в пользу слияния их с включающим контекстом, а с другой стороны, добавление ВК, имитирующей стиль автора, в том числе, в плане многоголосия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование вводных (ВвК) и вставных (ВК) показало, что данные средства субъективации повествования — прием, организующий полифоническую систему точек зрения в тексте рассказа.

Позиция вводных и вставных конструкций во включающем предложении позволяет автору варьировать смысловые приоритеты в художественном повествовании. В качестве признака авторского идиолекта может рассматриваться отказ от постопозиции вводных единиц.

Рассмотрение ВвК (41 случай употребления) и ВК (132 случая употребления) в рассказе «Кавказский пленный» позволило выявить их особую коммуникативную роль в формировании субъективной картины мира: ВвК как носители модусных смыслов во многом характеризуют самого создателя художественного текста, эксплицируя его оценки, интенции, психологию, внутренний мир. ВК выполняют важную роль в формировании субъектной организации текста, позволяя автору-творцу переключать повествование с одного на другой субъект сознания и так создавать многоуровневое и многогранное художественное пространство. Скобочные построения, без сомнения, характеризуют индивидуально-авторский стиль Вл. Маканина, однако столь устойчивое стремление уточнить, откорректировать сказанное наводит на мысль о присутствии в текстовом пространстве своеобразного двойника, «другого», в диалоге с которым авторское «я» и обретает цельность.

Фрагменты художественной действительности, отраженной в оригинале литературного произведения, не могут абсолютно адекватно воспроизводиться в переводе в силу различия языков оригинала и перевода. Переводчик зависим как от объективных (лингвистические и информационные), так и от субъективных факторов.

Объективные факторы связаны с различием строя двух языков. Частотность ВК в русском тексте рассказа превращает их в своеобразный «текст в тексте» и задает потенциал для варьирования внутренней структуры

соответствующих переводных единиц, а также их местоположения во включающем предложении.

К субъективным факторам отнесены те переводческие приемы, которые обусловлены индивидуальными предпочтениями переводчика. Среди этих приемов в данном исследовании выделены следующие.

Во-первых, при рассмотрении ВК в данной работе введен рабочий термин «грамматический разрыв», под которым понимается такой текстообразующий прием оформления внутренней речи персонажа (в предшествующем контексте нарратива прошедшего времени), который использует настоящее или будущее время и не подвергается, вопреки ожиданиям читателя, согласованию времен. В результате этого создается эффект «невмешательства автора» и автономности персонажа. Несомненно, появлению «грамматического разрыва» в языке перевода способствует сложная структура повествования с обилием добавочных фрагментов информации. Тот факт, что грамматический разрыв используют оба переводчика, причем в разных местах включающего предложения, свидетельствует о том, что это не идиолектная черта речи, а возможность, объективно предоставляемая английским языком.

Результаты проведенного анализа позволяют заключить, что для английского языка не характерны двухуровневые синтаксические комплексы-парентезы типа «вставка во вставке», встречающиеся в тексте оригинала. Прямого запрета на такие структуры в грамматиках английского языка нет, однако оба переводчика избегают их употребления. А адекватность двух переводных текстов оригиналу достигается за счет большого числа аналогичных или сходных переводческих решений, уподобления стиля перевода стилю оригинала и, не в последнюю очередь, аккумуляции в тексте вводных и вставных конструкций.

Во-вторых, при изучении ВвК здесь был описан прием переводческой аллокуции, то есть модификации коммуникативного намерения. Наглядные примеры переводческой аллокуции дают опущение одним из переводчиков

вводных единиц со значением категорической достоверности. В этих случаях переводческая аллокуция нейтрализует полифонию авторского текста и тем самым нарушает авторскую интенцию в плане полифонии повествования.

Сопоставление двух переводов рассказа Вл. Маканина на английский язык показывает бережное отношение к информации, заложенной в авторском тексте, и к структуре высказываний, в том числе и в плане отражения ВвК и ВК, т. е. говорит о преобладании эквивалентных способов перевода. При этом степень адекватности отдельных переводческих решений не одинакова у двух переводчиков.

В проведенном исследовании адекватность рассматривалась в пределах передачи ВвК и ВК. У первого переводчика, Б. Линдси, наблюдается большее стремление к лояльности автору, т.е. использование средств оформления парентез, сходных с оригинальными, авторскими. За счет этого в переводе сохраняется эффект спонтанности речи и, как следствие, полисубъектности повествования. У второго переводчика, Г. Хаммарберг, лояльность автору проявляется в меньшей степени: у нее заметна большая плавность речи в грамматическом оформлении парентез, подчас нейтрализация эффекта спонтанности речи и, в целом, меньшая степень адекватности. Например, у Г. Хаммарберг в 5 случаях полностью размыты границы между вставкой и включающим предложением, что снимает в данных фрагментах эффект многоголосия. Все это способствует некоторому снижению когнитивных усилий адресата-читателя при восприятии второго перевода в сравнении с восприятием первого перевода и в особенности в сопоставлении с восприятием оригинального русского текста.

Данное исследование выявляет перспективы для дальнейшего изучения полифоничных текстов подобного рода.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Маканин В. Кавказский пленный [Электронный ресурс] // Новый мир. 1995. № 4. URL http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/4/makanin-pr.html (дата обращения: 11.05.2016).
2. Makanin, Vladimir. The Prisoner From The Caucasus. Tr. Byron Lindsey. [Электронный ресурс]. URL: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/makanin/kav.html (дата обращения 18.05.2016).
3. Makanin, Vladimir. The Captive (literally: Captured) of the Caucasus. Tr. Gitta Hammarberg. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macalester.edu/~hammarberg/russ363/makani.html> (дата обращения 18.05.2016).

Справочная литература

1. Большой англо-русский словарь: в 2 т. Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1987.
2. Грамматика русского языка. В 2-х т. Т. 2. Ч. 2. М., 1960.
3. Кабакчи В. В. The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб, 2002.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.
5. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.
6. Русско-английский словарь. Под ред. О. С. Ахмановой. М., 1947.
7. Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингв. исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
8. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М., 1950-1965.
9. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. М., 1997.
10. Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
11. Multitran : [сайт]. URL: <http://www.multitran.ru>
12. Merriam-Webster : [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com>

13. The Official Collins Cobuld Advanced Learner's Dictionary of British English : электрон. опт. диск (CD-ROM).

Научная литература

1. Абашева М. П., Аристов Д. В. Военная проза 1990-2000-х годов: генезис и поэтика. Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 8 (98). С. 133-137.
2. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
3. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
4. Акимова Г. Н. Современное употребление скобок (в связи с новыми синтаксическими явлениями) // Русский язык в школе. 1980. №. 3. С. 99-103.
5. Алагова Т. С. Диалектическое единство плавной и прерывистой речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
6. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса на материале английского языка. М., 1984.
7. Антонова В. В. *Парентеза как синтаксический механизм* оформления безэквивалентной лексики. // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Т. 5. Вып. 4. Иваново, 2014. С. 302-304
8. Артеменко Е. П., Гостеева С. А. Вставные конструкции в структурном и коммуникативном аспектах // Синтаксис русского предложения. Воронеж, 1985. С. 38-48.
9. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
10. Афанасьева Е. А. Структура и функции вставных конструкций в поэзии Н. М. Карамзина // Вестник Оренбургского государственного университета. Вып. № 11 (199). 2016. С. 3-12.
11. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 3. М., 1987.
12. Байчорова М. Ш., Витковская Л. В. Вводные и вставные конструкции как факт парентезиса (этнолингвокогнитивное измерение) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2009. № 3. С. 61-64.

13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
14. Баранов А. Н. Заметки о дескать и мол. // Вопросы языкознания. 1994. №. 4. С. 114-124.
15. Биренбаум Я. Г. Пространство вводности // Актуальные вопросы семантики и синтаксиса: Сб. научн. трудов. Л., 1977. С. 45-52.
16. Болотнова Н. С. Задачи и основные направления коммуникативной стилистики художественного текста // Вестник ТГПУ, 1998. Вып. 6. С. 6-8.
17. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991
18. Ваулина С. С. К вопросу о структурно-содержательной природе языковой модальности (от модальности предложения к модальности текста) // Вестник Калининградского государственного университета. Вып. 1: Сер. Языки, литература и культура стран Балтийского моря. Калининград, 2004. С. 14-19.
19. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 402-421.
20. Вершинина М. А. Автор и герой в прозе В. С. Маканина 1990-2000-х годов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
21. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 53-87.
22. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
23. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
24. Волкова В. Б. Концептосфера современной военной прозы. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екб. 2014.
25. Востоков А. Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
26. Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка. Сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. СПб., 2001. С. 46-58.

27. Вяткина С. В. Скобки в русских текстах начала XVIII века // Русский язык конца XVII-начала XIX века (Вопросы изучения и описания). Сборник 2. СПб., 2001. С. 131-142.
28. Вяткина С. В. Становление и развитие вставных конструкций в русском литературном языке XVIII-XX веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
29. Гавриленко М. А. Изобразительная функция вставных конструкций в современной художественной прозе // Функционирование языка и норма. Горький, 1986. С. 69-75.
30. Гаврилова Е. И. Вставки в текстоцентрическом и антропоцентрическом аспектах. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
31. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
32. Глушакова С. О. Эволюция функционирования вводных и вставных конструкций в русских научных текстах XVIII-XX веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1988.
33. Гусаренко С. В. Синтагматический и семантико-прагматический аспекты функционирования вставных конструкций в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 1999.
34. Дмитриева Л. К. Осложняющие категории и осложнение предложения в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1981.
35. Долгова О. В. Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980.
36. Жучкова О. В. К вопросу о пунктуационном выделении вставных конструкций // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981. С. 124-133.
37. Златопольский Ю. М. Интонационная специфика вставных конструкций (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981.
38. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

39. Иванова А. В. Субъективация повествования: на материале прозы Владимира Маканина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2008.
40. Иванцов В. В. Пространственно-временная организация художественного мира В. С. Маканина. СПб, 2007.
41. Иванчикова Е. А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 277-301.
42. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
43. Казакова Т. А. Художественный перевод: теория и практика. СПб., 2006.
44. Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
45. Каушанская В. Л. Грамматика английского языка. М., 1973.
46. Кобрина Н. А., Малаховский Л. В. Английская пунктуация. М., 1961.
47. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 2008.
48. Козырева Е. Н. Когнитивные функции парентезы как отражение творческой индивидуальности писателя. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
49. Колмакова О. А. Поэтика русской постмодернистской прозы рубежа XX-XXI вв.: типы пространства и времени в воплощении кризисного сознания. Дис. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2015.
50. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972.
51. Кравченкова Е. А. Художественный мир В. С. Маканина: концепции и интерпретации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
52. Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 133-141.
53. Кулаковский М. Н. Типы и функции вставных конструкций в русской художественной прозе 20-30-х годов XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1996 .

54. Ладыженская Б. Я. Особенности организации устной спонтанной речи. (Вставные элементы в речевом потоке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
55. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
56. Макерова С. Р. Формы и функции комментирующих предложений в процессе построения художественного произведения : На материале современного английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
57. Маркова Т. Н. Русская проза рубежа XX-XXI веков: трансформации форм и конструкций (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). Челябинск, 2012.
58. Меркушева О. В. Вставные конструкции как инструмент реализации субъективно-авторской модели повествования: (На материале прозы А. И. Солженицына). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.
59. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1945.
60. Минченков А. Г. Английские частицы. Функции и перевод. СПб., 2004.
61. Новоселецкая Э. П. Эволюция функционирования вставных конструкций в английских научных текстах XVIII-XX веков. Пермь, 1993.
62. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
63. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
64. Онипенко Н. К. Идея субъективной перспективы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1994. № 3. С. 74-83.
65. Онипенко Н. К. Модель субъективной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М., 2013. С. 92-121.
66. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001.
67. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX

- вв. Т. 1. Ч. 2. Пермь, 1994.
68. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
 69. Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 3. С. 13-19.
 70. Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
 71. Пастухова Л. С. Интерпозиция как один из вариантов размещения вставных единиц // Исследования по семантике. Симферополь, 1987. С. 75-80.
 72. Перфильева Н. П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. Новосибирск, 1994. С. 38-46.
 73. Петрова Е. С. Автокоррекция переводчика и принцип дистанцирования // Вторые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб., 2006. С. 83-89.
 74. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.
 75. Полякова Ю. Г. Структура и особенности функционирования вставок в языке газеты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
 76. Попова Е. А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 1996.
 77. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
 78. Поспелова А. Г. Речевые приоритеты в английском диалоге. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2001.
 79. Поспелова Е. Г. Вставная конструкция и вербализованный модус (на материале романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин") // Язык и мы. Мы и язык. М., 2006. С. 304-319.
 80. Поспелова Е. Г. Семантико-синтаксические типы и текстовые функции вставных конструкций. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

81. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т.IV. М. - Л., 1941.
82. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
83. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984.
84. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Н. Новгород, 2008.
85. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М., 1963.
86. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959.
87. Рудницкая Е. Л. Сентенциальные наречия в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993
88. Сагирян И. Г. Функциональные особенности вставок в языке прозы М. А. Булгакова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
89. Седун Е. Н. Понятие вводной конструкции в синтаксисе современного английского языка // Иностранные языки в школе. М., 1956. № 4. С. 11-16.
90. Сердюкова Л. И. Вводная предикативная конструкция как компонент объемного предложения в прозе У.Фолкнера // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза. М., 1974. Вып. 77. С. 142-148.
91. Сидорова М. Ю. К развитию четырехступенчатой модели анализа текста // Грамматика и текст. Под ред. Г. Фонтаньского. Т. 4. Польша, Катовице, 2014. С. 6-29.
92. Синтаксис современного русского языка. Под ред. С. В. Вяткиной. СПб. - М., 2009.
93. Скляр Л. Н. Пунктуация современного английского языка/ М., 1972.
94. Сладкомедова Ю. Ю. Несобственно-прямая речь как стилистический прием в произведениях Виктории Токаревой // Теория СМИ. 2004. № 1. [Электронный ресурс]: URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_11735906_58655373.pdf
95. Современный русский язык. Синтаксис. Под ред. проф. Е. М. Галкиной-

- Федорук. М., 1957.
96. Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 173-186.
 97. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М., 2010.
 98. Солганик Г. Я. Стилистика текста. М., 1998.
 99. Старовойтова И. А. Вставные конструкции как явление коммуникативного синтаксиса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
 100. Станкевича А. Двойничество в романах В. Маканина последнего десятилетия. *Res Humanitariae*, vol. XIV, Klaipėda. С. 116-126.
 101. Степанов С. П. Субъективация повествования и способы организации текста (на материале повествовательной прозы Чехова): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб, 2002.
 102. Степанова Е. А. Кавказская фабула в русской литературе XIX - XX веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
 103. Столярова И. В. Вставные конструкции как средство выражения субъективной оценки // Проблемы преподавания русского языка и литературы в иностранной аудитории: Материалы докладов и сообщений межвуз. научно-метод. конференции. СПб., 1997. С. 106-107.
 104. Студнева А. И. Вводные предложения в современной русской речи. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
 105. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2001.
 106. Топтыгина Е. Н. Об отношении вводных слов к составу высказывания // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология» №4, 2010. С 52-56.
 107. Трошина А. В. Эпистемические модальные модификаторы в английском и русском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
 108. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105-115.
 109. Уржа А. В. Концепция коммуникативной грамматики текста и сопоставительный анализ русских переводов произведения // Ученые записки Российского

- государственного социального университета. Выпуск № 1 / 2010. С. 127-135.
110. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.
 111. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968.
 112. Фенова Е. А. Соотношение синтаксической просодии парентетических внесений и предидирующей паузы: (На материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
 113. Черемисина М. И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
 114. Чурляева Т. Н. Проблема абсурда в прозе В. Маканина 1980-х начала 1990-х гг. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2001.
 115. Шаймиев В. А. Вставные конструкции в аспекте их текстового изучения. Автореф. дис. ... к. филол. н. Л., 1982.
 116. Шаймиев В. А. Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста // Функционирование синтаксических категорий в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. Л., 1981. С. 81-88.
 117. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941.
 118. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.
 119. Швец В. М. Усвоение ребенком эпистемической модальности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007.
 120. Шевцова О. Н. Стилистические функции знаков препинания: на материале прозы В. Маканина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1998.
 121. Шишкина И. С. Внесения в английском и русском языках (графика, семантика, прагматика) // Вестник ВятГГУ. Вып. 1(1). Киров, 2008. С. 131-134.
 122. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.
 123. Carey G. V. Mind the Stop. Cambridge, 1980.
 124. Faulkner C. W. Writing Good Sentences. A Functional Approach to Sentence Structure, Grammar and Punctuation. N. Y., 1957.

125. Greenbaum S. The Oxford English Grammar. Oxford, etc.: Oxford university press, 1996.
126. Sweet H. A New English Grammar Logical and Historical. Part I. Oxford, 1900.
127. Venuti L. The Translation's Invisibility: A History of Translation. Routledge, 2003.